

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-307-354
УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки

(Секретная докладная записка ленинградских лингвистов

в ЦК ВКП(б))

П.А. Дружинин

Аннотация: Докладная записка 1948 г. в ЦК ВКП(б) группы лингвистов, позиционировавших себя как приверженцев единственно верной советской, «материалистической» науки о языке, разработанной академиком Н.Я. Марром, преследовала цель уничтожения научных конкурентов, которые шельмовались авторами записки как представители «идеалистической» буржуазной науки, связанной с традициями зарубежного языкознания. Основные противники группы ленинградских лингвистов — языковеды-москвичи (профессора МГУ А.А. Реформатский, М.Н. Петерсон и др.), академик В.В. Виноградов, научного и административного усиления которого особенно опасались подписанты записки. Если бы они победили в этой политической и аппаратной борьбе, судьба отечественной филологии оказалась бы еще более мрачной; выиграл, как известно, Виноградов, стоявший за «исторической» работой Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), в которой развенчивалось учение Марра.

Ключевые слова: история филологии, наука и идеология, Новое учение о языке, марризм, языкознание.

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, к. ист. н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: petr@druzhinin.ru

Августовская сессия ВАСХНИЛ, проходившая в Москве с 31 июля по 7 августа 1948 года, стала памятной вехой в истории отечественной науки, причем не только биологической. Заклеймив «мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики»¹, советская партийно-государственная пропагандистская машина не подвергла испепеляющей критике направление «вейсманистов-мен-

¹ Слова профессора И.И. Презента, цит. по: *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 161.

делистов-морганистов», и подняла на щит учение И.В. Мичурина. Доклад академика Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке», который излагал эту точку зрения, перед оглашением на Августовской сессии был прочтен, одобрен и даже отредактирован главным читателем страны, корифеем всех наук. Резюмируя, Вестник Академии наук СССР писал: «Многолетняя, непомерно затянувшаяся дискуссия между представителями передовой, базирующейся на философии диалектического материализма и практике социалистического строительства советской мичуринской науки, с одной стороны, и оруженосцами реакционной, идеалистической, оторванной от жизни вейсманистской (моргановско-менделевской) лженауки — с другой, закончилась сокрушительным разгромом формально-генетических позиций и полным торжеством истинно научного, прогрессивного направления»².

Становилось ясно, что это в общем-то локальное событие в биологии будет иметь большой резонанс, символизируя подтверждение тезиса о превосходстве русского над иностранным, то есть сессия ВАСХНИЛ в действительности стала очередным этапом идеологической пропаганды, новой всесоюзной компанией, которая продолжала «решения ЦК партии по идеологическим вопросам». На этот раз кампания получила название «борьбы с низкопоклонством перед Западом». Инициатором ее был только один человек; как и сказал 6 ноября 1948 года В.М. Молотов на всю страну в праздничном выступлении: «Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв широкие перспективы в научной и практической работе»³.

Заседание Президиума Академии наук СССР, состоявшееся 24–26 августа 1948 года, констатировало, что плачевное положение в биологической науке имело свои причины: это и «забвение принципа партийности науки», и «отрыв от требований социалистического строительства», и «недостаточное развитие большевистской критики и самокритики в институтах и учреждениях». При этом, был провозглашен и важнейший для всех идеологических кампаний 1940-х годов тезис, что решения по этому частному вопросу, в данном случае в области биологической науки, актуальны для всех граждан, и для советских ученых в частности: «Академия Наук СССР не должна и не может стоять в стороне от охватившей весь мир ожесточенной борьбы двух идеологий — реакционной идеологии отживающего капитализма, отравляющего атмосферу Земли духом гниения и разложения, и противостоящей ей передовой, про-

² За процветание передовой биологической науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1948. № 9. С. 3.

³ Цит. по: Дружинин П.А. Указ. соч. С. 166.

грессивной идеологии трудящегося человечества, находящей наиболее полное выражение в великом учении Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. [...] Исследовательская работа каждого ученого, каждого научного учреждения должна рассматриваться прежде всего под углом зрения обслуживания потребностей народа, ведущего борьбу за дело коммунизма»⁴.

Филологические науки не могли, не имели права оставаться в стороне. К тому же, борьба с пресмыкательством перед Западом в филологии уже была развернута, по крайней мере, в литературоведении. Еще летом 1947 года, благодаря А.А. Фадееву, на роль вдохновителя «мракобесов, буржуазных либералов и кадетствующих всякого рода эстетов» был избран академик А.Н. Веселовский. О.М. Фрейденберг свидетельствовала: «Агент, официально именуемый руководителем Союза писателей, Фадеев, недавно выступил с большой речью, где он “проработал” в площадных выражениях А.Н. Веселовского (“раба романо-германской школы”, “псевдо-ученого”, “основоположника низкопоклонства перед границей”)⁵. К марту 1948 года покойный академик был повержен, его ученики и последователи «разоблачены». После Августовской сессии ВАСХНИЛ так называемая дискуссия об А.Н. Веселовском была уже окончательно закрыта — вопрос был решен однозначно. Осенью–зимой 1948/49 года в литературоведении наступила небольшая передышка, то есть затишье перед бурей, — 28 января 1949 года официально грянет кампания по «борьбе с космополитизмом», которая уже окончательно уничтожит старую школу.

Но поскольку прекраснодушие — это состояние, нетерпимое большевиками, то идеологическая волна хлынула в другую область филологических наук — языкознание. Здесь давно назрел нерешенный вопрос: так называемое Новое учение о языке академика Н.Я. Марра никак не могло окончательно занять господствующее положение в языкознании. Это обстоятельство многих не удовлетворяло, а позиция академика И.И. Мещанинова, стоявшего во главе отечественного языковедческой науки, воспринималась как «недостаточно принципиальная». Теперь же, после Августовской сессии ВАСХНИЛ, появилась реальная возможность исправить эту недоработку, и началось наступление на языкознание (история публичных событий 1948 года изложена В.М. Алпатовым⁶). Как

⁴ За процветание передовой биологической науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1948. № 9. С. 15–16.

⁵ Фрейденберг О.М. Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю.М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Poleмика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 155.

⁶ Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 143–150 и др.

писала в своих Записках О.М. Фрейденберг: «За волной в биологии пошла волна в лингвистике. Марр приравнен к Мичурину, Мещанинов к Лысенке»⁷. Лингвист и сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) Г.П. Сердюченко⁸ уловил в словах В.М. Молотова призыв к действию: «Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии советские ученые-языковеды должны рассматривать как руководящее указание, обращенное непосредственно к ним, к их работе. Они должны сделать все необходимые выводы из борьбы между двумя направлениями в биологии — прогрессивным, материалистическим и реакционным, идеалистическим, чтобы не допустить в советском языковедении реакционно-идеалистических построений»⁹. Во многом по его инициативе в обеих столицах было проведено масштабное обсуждение состояния советского языкознания в свете решений Августовской сессии ВАСХНИЛ, которое, как оговорился И.И. Мещанинов, носило характер всесоюзного совещания лингвистов.

В Ленинграде — центре советского языкознания — 22 октября 1948 года прошло некоторое подобие академической сессии. Это было совместное Открытое заседание ученых советов Института языка и мышления имени Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, которое, говоря словами В.М. Алпатов, стало «черным днем для советского языкознания». Выступления были аналогичны тем, что недавно звучали на сессии ВАСХНИЛ: с основным докладом «О положении в лингвистической науке в связи с постановлением Президиума АН СССР “О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях АН СССР”» выступил директор Института языка и мышления имени Н.Я. Марра АН СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, он же «наместник Марра на земле» — И.И. Мещанинов; содокладчиком был один из инициаторов этого масштабного проработочного мероприятия — зам. директора и член партбюро Ленинградского отделения Института русского языка Ф.П. Филин¹⁰, выступивший с докладом «О двух направлениях в

⁷ Фрейденберг О.М. Записки. Цит. по: Дружинин П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 172.

⁸ Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965) лингвист, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1948–1950 — профессор и зав. кафедрой кавказских языков МГУ, сторонник и трибун Нового учения о языке.

⁹ Цит. по: Алпатов В.М. Указ. Соч. С. 147.

¹⁰ Филин Федот Петрович (1908–1982) — славист, доктор филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИРЯЗ АН СССР, член ВКП(б) с 1939 г.; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1968), директор Института языкознания АН (1964–1968), Института русского языка имени В.В. Виноградова (1968–1982), главный редактор «Вопросов языкознания».

языковедении». И.И. Мещанинов, долгие годы сдерживавший партийных лингвистов, пытавшихся выместить из Академии наук и университетов старые научные кадры, уже не имел возможности сопротивляться, и хотя он не стал клеймить живых коллег, он все-таки сдался: «В главном Мещанинов уступил. Дежурные обвинения в таких грехах, как менделизм-вейсманизм-морганизм, перенесены в область языкознания: Г. Мендель сопоставляется с В. Гумбольдтом, якобы выдвигавшим расовую теорию, А. Вейсман — с Ф. де Соссюром и другими лингвистами, считавшими невозможным управлять языковой политикой; праязыковая схема сравнивается с наследственным веществом»¹¹. То, что не сделал Мещанинов — сделал Филин, почтивший филиппиками современников: «Положение в языковедении также сопоставлено с положением в биологии, но в отличие от Мещанинова огонь критики переносится с давно умерших Гумбольдта и Соссюра на живых противников Филина. По аналогии с биологией заявлено о двух направлениях в науке о языке: буржуазном, восходящем к основателю сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппу, и материалистическом, идущем от Марра»¹². Главный тезис доклада Ф.П. Филина, который при публикации в Вестнике АН СССР выделен разрядкой, следующий: «Новое учение о языке, основанное на марксистско-ленинской методологии, является общей и единственной научной теорией для всех частных лингвистических дисциплин»¹³.

Если мы посмотрим резолюцию ленинградских лингвистов по докладу И.И. Мещанинова, то мы увидим и слова о необходимости «покончить с примиренческим отношением к враждебным влияниям в нашей науке, шире развернуть борьбу за основанное Н.Я. Марром материалистическое языкознание против реакционной идеалистической лингвистики, добиваясь полного идейного разгрома последней»¹⁴ и т.д. и т.п., увидим здесь же осуждение тех, кто «вел и ведет борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды», но не вообще, а даже поименно. Перечень «лингвистов этого толка» был следующим: «В.В. Виноградов, М.Н. Петерсон, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров, А.С. Чикобава и др.» Казалось бы, оставалось дожидаться оргвыво-

¹¹ Алтатов В.М. Указ. соч. С. 147.

¹² Там же. С. 148.

¹³ Там же.

¹⁴ Резолюция Ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН ССР, принятая 22 октября 1948 г. по докладу акад. И.И. Мещанинова... // Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VII. Вып. 6, ноябрь–декабрь. С. 498.

дов, которыми советская лингвистика будет освобождена от «балласта», и сторонники Нового учения о языке займут вождельные административные должности.

Вслед за этим действо было повторено в Москве, где также было создано Объединенное заседание Ученого совета Московского филиала Института языка и мышления и Института русского языка АН СССР. 27 октября были прочтены основные доклады, сперва выступил И.И. Мещанинов, за ним Ф.П. Филин: «Ив. Ив. Мещанинов делал доклад о положении на лингвистическом фронте. Доклад был сделан в очень корректных тонах. Но эту сторону доклада “исправил” Ф.П. Филин, который со всей решительностью поставил все точки над *i*»¹⁵ — записал в дневнике С.Б. Бернштейн, который не только был избран в президиум собрания, но и читал присланный С.П. Обнорским доклад (в котором академик ритуально признавал, что «советские русисты должны строить творческую языковедческую науку, исходя их ценнейшего наследия Н.Я. Марра, на основе марксистско-ленинской методологии»¹⁶). Прения по докладу продолжились 28 числа, трибуны Нового учения о языке клеймили своих идейных противников. «В заключительном слове акад. И.И. Мещанинов указывает, что общее мнение участников совещания как в Ленинграде, так и в Москве сводится к непреложному утверждению, что советское языкознание должно быть основано на методах диалектического и исторического материализма и продолжать линию, взятую Н.Я. Марром. Акад. И.И. Мещанинов отмечает отсутствие среди московских лингвистов творческих дискуссий, наличие которых помогло бы избавиться от многих ошибок»¹⁷.

Но, в отличие от ленинградских событий, в Москве не обошлось без инцидентов: ряд ученых на этом заседании оказали серьезное сопротивление марристам. И даже несмотря на то, что В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов и другие каялись в своих ошибках, у коммунистов создалось впечатление «недостаточного разоружения». И тому были веские причины: например, «Проф. М.Н. Петерсон в своем выступлении отводит упреки в приверженности его к младограмматикам, к рекламированию работ западноевропейских лингвистов. Утверждая, что в учении Н.Я. Марра есть много ошибок, проф. М.Н. Петерсон необоснованно обвинял последователей

¹⁵ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 127.

¹⁶ Выступления по докладу акад. И.И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра / Хроника // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 169.

¹⁷ Там же. С. 171.

Н.Я. Марра в том, что они догматически относятся к его учению»¹⁸; академик В.В. Виноградов, утверждая, «что он никогда не вел борьбы против установок Н.Я. Марра в области языкознания, горячо стараясь содействовать развитию советского языкознания [...] не указал конкретно, о каких ошибочных положениях идет речь, не дал развернутой критики своих методологических ошибок»¹⁹; «Проф. П.С. Кузнецов на обсуждении не сошел со своих старых, порочных позиций, выступив в защиту праязыковой концепции возникновения славянских языков»...

И что же последовало? Да ничего особенного (конечно, с учетом практики руководства наукой сталинского времени): никакого существенного результата, сопоставимого с разгромом в биологии, эти лингвистические дебаты не достигли; а последовавшая лишь через месяц за этими заседаниями резолюция Бюро Отделения литературы и языка, вообще не содержала ни одного имени²⁰, то есть И.И. Мещанинов нашел возможность обойтись без оргвыводов. Единственное, чего удалось тогда добиться сторонникам Нового учения о языке, да и то, благодаря усилиям не Академии наук, а Министерства высшего образования СССР — снятия В.В. Виноградова с поста декана филологического факультета МГУ: в сентябре академик подал заявление об уходе и был заменен лингвистом Н.С. Чемодановым; при этом академик Виноградов сохранил должность заведующего кафедрой русского языка. Эту отставку, не слишком-то болезненную для В.В. Виноградова, сложно было назвать «перестройкой филологических наук» — у биологов, как мы помним, был освобожден от обязанностей академик-секретарь Отделения биологических наук Л.А. Орбели, а из университетов и академий вычищены оппоненты Лысенки. Такой жалкий по меркам послевоенных лет результат никак не мог устроить тех лингвистов, которые всерьез рассчитывали «добиться полного идейного и организационного разгрома реакционной идеалистической лингвистики», то есть освобождения от «балласта» ученых старого поколения, чтобы занять их административные должности, а заодно и подготовиться к намеченным на 1949 год академическим выборам.

И тогда, именно после московского заседания, окончательно продемонстрировавшего невозможность в одночасье ликвидировать всю оппозицию марризму (а заодно и сместить И.И. Мещанинова, который долгие годы оставался противником радикальных

¹⁸ Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 168.

¹⁹ Там же. С. 169–170.

²⁰ Резолюция Бюро Отделения литературы и языка АН СССР / Хроника // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М; Л., 1949. Т. VIII, вып. 2, март–апрель. С. 172–173.

изменений в отечественном языкознании) в ноябре 1948 года группа коммунистов-лингвистов Академии наук СССР — сотрудников Института языка и мышления, Института русского языка и Института востоковедения АН СССР — во главе с А.В. Десницкой²¹ и Ф.П. Филиным приступили к подготовке большого секретного документа — «Докладной записки в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения». Этот документ готовился с конца октября и был закончен в ноябре 1948 г., подготовка его происходила в обстановке секретности, а обсуждение его не выносилось даже на закрытые партсобрания — последней инстанцией было партбюро ИЯМ АН СССР, на заседаниях которого и обсуждался текст документа. Мы можем назвать точные даты: первое специальное заседание состоялось 6 ноября 1948 г., второе и последнее 13 ноября.

Через несколько дней, в середине ноября, «Докладная записка в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения» была готова и, по-видимому, поступила в Секретариат ЦК. Этот серьезный документ, объемом более пятидесяти машинописных страниц, состоял из девяти разделов, описывающих состояние советского языкознания с точки зрения партийных лингвистов. На основании документов партбюро Института языка и мышления²² мы можем вслед за названиями разделов указать авторов, представивших их первоначальный текст: I. Два направления в языковедении (А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон²³, Ф.П. Филин); II. Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития (В.А. Аврорин²⁴; очевидно, в соавторстве); III. Положение с изучением русского языка (Ф.П. Филин); IV. Изучение романо-германских языков (не указано); V. Изучение тюркских языков (А.К. Боровков²⁵); VI. Языки народов Севера (В.А. Аврорин); VII. Изучение

²¹ Десницкая Агния Васильевна (1912–1992), лингвист, дочь В.А. Десницкого, ученица В.М. Жирмунского, профессор кафедры общего языкознания, доктор филологических наук; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1964).

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 2. Л. 35–40.

²³ Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985), лингвист, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, сотрудник ИЯМ.

²⁴ Аврорин Валентин Александрович (1907–1977), лингвист, специалист в области тунгусо-манчжурских языков, кандидат филологических наук, заместитель директора и член партбюро ИЯМ; впоследствии доктор наук (1955), член-корреспондент АН СССР (1968).

²⁵ Боровков Александр Константинович (1904–1962), лингвист-тюрколог, член-корреспондент Узбекской АН, заместитель директора Института востоковедения АН СССР, член ВКП(б); впоследствии член-корреспондент АН СССР (1958).

кавказских языков (Е.А. Бокарев²⁶); VIII. Изучение иранских языков (И.И. Цукерман²⁷); IX. Выводы (А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон, Ф.П. Филин). Общая редакция документа осуществлялась А.В. Десницкой. Кроме ленинградских лингвистов в выработке документа принимали участие и другие языковеды, в том числе москвичи, по крайней мере в отчете о работе партбюро ИЯМ и ЛО ИРЯЗ мы встречаем следующее упоминание: «При постановке больших вопросов идейно-теоретической значимости партбюро привлекало коммунистов-языковедов Ленинграда, не состоящих в партийной организации ИЯМ и ИРЯЗ. Так в составлении и обсуждении докладной записки “О положении в языкознании” участвовали зам. директора Института востоковедения АН СССР т. Боровков и зав. кафедрой русского языка ин[ститу]та им. Герцена т. Гринкова²⁸, а также группа московских языковедов-коммунистов (т. Гухман²⁹, Чемоданов³⁰, Базиев³¹)»³². Удивительно, что в числе авторов нигде не упоминается имени Г.П. Сердюченко, который был одним из наиболее горячих сторонников Марра (автором книги «Академик Н.Я. Марр — основатель советского материалистического языкознания» и многих других подобных), и одновременно — сотрудником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б); в конце 1945 года он закончил работу над книгой «Стиль и язык выступлений тов. Ста-

²⁶ Бокарев Евгений Алексеевич (1904–1971), лингвист-кавказовед, эсперантолог, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, член ВКП(б) с 1944 г., член партбюро ИЯМ; впоследствии — доктор наук (1955).

²⁷ Цукерман Исаак Иосифович (1909–1998), лингвист-иранист, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, заведующий кафедрой общего языкознания 1-го ЛГПИИЯ; впоследствии доктор наук (1965 г., без защиты диссертации).

²⁸ Гринкова Надежда Павловна (1895–1961), лингвист, диалектолог, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка ЛГПИ им. А.И. Герцена.

²⁹ Гухман Мирра Моисеевна (1904–1989), лингвист, специалист по германским языкам, кандидат филологических наук, профессор МГПИИЯ, старший научный сотрудник МО ИЯМ, обличитель реакционных лингвистов на московском заседании; впоследствии — доктор (1955).

³⁰ Чемоданов Николай Сергеевич (1903–1986) лингвист, специалист по германским языкам, кандидат филологических наук (1940), профессор МГУ (1949); с 1943 по 1948 сотрудник ВКВШ при СНК (МВО СССР), декан филологического факультета МГУ в 1948–1950, впоследствии — доктор наук (1971); муж лингвиста Мирры Моисеевны Гухман.

³¹ Базиев Ахия (Ахья) Танаевич (1910–1982), лингвист, специалист по кыпчакским языкам, в 1938 г. окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского пединститута (г. Нальчик), аспирант АН СССР, участник прений по докладу И.И. Мещанинова в Москве; впоследствии кандидат филологических наук (1949).

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 6. Л. 115.

лина о Великой Отечественной войне», и послал в начале 1946 года рукопись лично Сталину, однако тогда вождь остался равнодушен к вопросам языка и книга не была напечатана³³. Трудно сказать, сознательное ли это недопущение Сердюченко к составлению документа, либо же умышленное умалчивание, чтобы через него, как сотрудника аппарата ЦК, передать записку в «инстанцию».

Сведения об этом документе, которые были почерпнуты нами из партийных документов ленинградских академических учреждений в ЦГАИПД СПб, мы поместили в нашей книге «Идеология и филология»³⁴, тогда же из документов партбюро ИЯМ удалось установить авторов разделов, однако сам документ мы долгое время не могли разыскать. Но когда по нашему заявлению в ЦГАИПД СПб Межведомственной комиссией проводилось рассекречивание нескольких архивных дел Особого сектора Василеостровского райкома ВКП(б) то в одном из них оказался документ, не отраженный ни в названии дела, ни в описи. Это был машинописный (не первый) экземпляр «Докладной записки о состоянии и задачах советского языковедения»³⁵. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это та самая Записка, которая готовилась осенью 1948 года в обстановке секретности, и наконец оказалось возможным соединить сведения о подготовке и авторстве ее разделов вместе с окончательным текстом этого фундаментального документа.

Можно констатировать, что эта докладная записка имеет серьезный интерес для истории науки, представляя нам состояние советского языковедения практически на дне своего научного и идеологического падения, с одной стороны, и на пике марризма как лжеучения — с другой. Особенно важно и то, что мы абсолютно точно знаем не только имена подписавших документ, но и авторов. Под документом стоят подписи членов ВКП(б) в следующей последовательности: А.В. Десницкая, А.М. Базиев, Ф.П. Филин, В.А. Аврорин, А.К. Боровков, О.П. Суник³⁶, Н.С. Чемоданов, С.Д. Кацнельсон, И.И. Цукерман, Г.А. Меновщиков³⁷, С.Г. Бархударов³⁸,

³³ РГАСПИ. Ф. 588 (И.В. Сталин). Оп. 11. Д. 866. Л. 90. В деле имеется указание, что рукопись была направлена в Агитпроп Г.Ф. Александрову.

³⁴ Дружинин П.А. Идеология и филология. М., 2012. Т. 2. С. 172–175.

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5 (Материалы Особого сектора Василеостровского райкома ВКП(б)). Д. 595. Л. 1–54. Машинопись.

³⁶ Суник Орест Петрович (1912–1988) — лингвист, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, кандидат филологических наук, член ВКП(б), ученый секретарь ИЯМ.

³⁷ Меновщиков Георгий Алексеевич (1911–1991) лингвист, фольклорист, специалист по эскимосскому языку, аспирант сектора языков народов Севера ИЯМ, впоследствии — кандидат, доктор филологических наук.

³⁸ Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, бывш. заведующий кафедрой русского языка ЛГУ (назначен 1 октября 1947 г. вместо В.В. Виноградова), профессор, член-корреспондент АН СССР (1946). Согласно лич-

Н.П. Гринкова, Е.А. Бокарев, М.М. Гухман, П.Я. Скорик³⁹, М.Д. Мальцев⁴⁰.

Однако мы не знаем, каков все-таки был путь этой записки в аппарате ЦК — в документах Секретариата ЦК в РГАСПИ мы не смогли найти ее следов. Но безусловно, что с ней должен был ознакомиться заведующий сектором науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов и его непосредственный начальник секретарь ЦК М.А. Сулов. В результате же, она должна была дойти до Г.М. Маленкова, который неукоснительно докладывал подобные вопросы генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Несмотря на актуальность вопроса о перестройке языкознания, никаких подлинно карательных последствий, подобно ситуации в биологической науке, так и не последовало; вполне возможно, что документ, при всей его тенденциозности, содержал дискуссионный второй раздел — «Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития», который сильно смазывал всю картину. При этом, можно отметить и одно из основных требований документов — едва ли не первое упоминание о необходимости издания своего печатного органа: «Разрешить издание периодического журнала “Советское языкознание” в качестве боевого теоретического органа марксистско-ленинской лингвистики». Журнал, как известно, был создан только после участия в споре И.В. Сталина, который на поверку оказался еще и специалистом по языкознанию.

Текст докладной записки приводится нами полностью, с исправлением ошибок машинописи без дополнительных оговорок; слова, данные разрядкой, выделены при публикации курсивом.

В ЦК ВКП(б)

Докладная записка о состоянии и задачах советского языковедения

І. Два направления в языковедении.

В языкознании нашей страны существуют и борются друг с другом два направления.

ному заявлению (по настоянию партбюро факультета) освобожден от должности заведующего кафедрой с 1 июня 1948 г.

³⁹ Скорик Петр Яковлевич (1906–1985) — лингвист, специалист по чукотскому языку, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯМ, член партбюро ИЯМ.

⁴⁰ Мальцев Михаил Дмитриевич (1892–1954) — лингвист, специалист по русскому языку, диалектолог, доцент ЛГПИ им. Герцена, научный сотрудник ЛО ИРЯЗ.

Первое из них, подлинно советское, материалистическое языкознание было основано Н.Я. Марром и в своих важнейших чертах, за вычетом преодоленных и частично еще преодолеваемых и теперь ошибок, о которых речь пойдет дальше, является конкретизацией марксизма-ленинизма в лингвистике. Материалистическое языкознание — подлинное детище советской эпохи. В своих важнейших чертах оно было разработано Н.Я. Марром в конце 20-х годов, и сам Н.Я. Марр на вопрос, каким годом следует датировать возникновение нового материалистического учения о языке, отвечал символической датой «1917» (Избр. работы, т. I, стр. 272, 246). Когда буржуазные ученые за рубежом пишут о советском языкознании, то под этим термином они понимают только учение Н.Я. Марра (ср. выступления [Е.] Куриловича, [В.] Поллака и др.). Созданное языковедом-коммунистом Н.Я. Марром новое материалистическое учение получило дальнейшее развитие в работах его учеников и последователей, прежде всего акад. И.И. Мещанинова.

Второе направление, идеалистическое, является отчасти прямым продолжением русской дореволюционной, либерально-буржуазной эпохи (виднейшими представителями которой были Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), а в еще большей степени является отражением враждебных советским людям влияний, идущих из упадочной «науки» современного буржуазного Запада. Ставшее модным на Западе в последние два десятилетия, насквозь пропитанное идеализмом и агностицизмом учение женеvского лингвиста де-Соссюра, послужившее основанием для так называемого структуралистического направления в зарубежной лингвистике (основные центры были до второй мировой войны в Копенгагене и Праге, а после войны переместились в Нью-Йорк и отчасти в Голландию) усиленно пропагандируется реакционными лингвистами в СССР. Буржуазное языкознание является отражением различных проявлений реакционной идеалистической философии и социологии в языкознании. Помимо идейных связей, в распространении структуралистических теорий в Советском Союзе играли роль и связи личного порядка, поскольку в числе лидеров структуралистического направления на Западе оказались русские белоэмигранты и невозвращенцы вроде князя [Н.С.] Трубецкого, Р. Якобсона и др., с которыми у некоторых советских лингвистов был в свое время личный контакт. Отрицательное влияние в последние годы оказывали на некоторых советских лингвистов и встречи с приезжавшими к нам ведущими филологами стран новой демократии, [А.] Беличем (Югославия), [Е.] Куриловичем (Польша) и другими, занимающими в науке реакционные идеалистические позиции. Позиции идеалистической лингвистики отстаиваются в нашей стране акад. В.В. Виноградовым, проф. М.Н. Петерсоном,

доц. [А.А.] Реформатским, проф. [А.С.] Чикобава, чл.-корр. АН СССР А.А. Фрейман и др.

Основной водораздел между враждующими направлениями проходит по всем методологически определяющим вопросам языкознания. Это, прежде всего, вопрос о материализме и идеализме в языкознании.

Буржуазное языкознание отстаивает позицию имманентности и «автономности» явлений речи. История языка рассматривается буржуазным языкознанием как результат самостоятельного развития языка, совершающегося независимо от общества. «Единственным и истинным объектом лингвистики, — подчеркивал родоначальник современного буржуазного языкознания на Западе Ф. де-Соссюр, — является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Курс общей лингвистики, русск. пер., стр. 207). Буржуазная лингвистика не прочь порой похвастать своим социологизмом, но этот «социологизм» носит насквозь идеалистический и крайне поверхностный характер. На общественные явления буржуазные лингвисты если и ссылаются, то только тогда, когда надо объяснить распространение слов и грамматических форм за пределы первоначальной области их возникновения. Тогда на сцену выступают всякого рода войны, завоевания, переселения, политические влияния и т.д., которые должны объяснить, почему в данном районе произошло смещение языковых границ, почему в один язык проникло слово из другого языка и т.п. Самый же процесс *возникновения* слов, грамматических форм и звуков речи оставляется буржуазной лингвистикой совершенно без объяснений. Более того, буржуазное языкознание настаивает, что этот процесс совершается сам собой, помимо общественного развития, в силу внутренних законов, присущих будто бы языку как таковому. Это — откровенно идеалистический взгляд на язык, согласно которому язык — самостоятельная сущность, некий независимый и саморазвивающийся организм, некая замкнутая «структура», независимое от общества самостоятельное царство. Согласно такой буржуазной точке зрения история языка распадается на две истории — «внешнюю» и «внутреннюю». Во внешней истории рассматривается процесс заимствования готовых слов из одного языка в другой, передвижка языковых границ и т.д. Здесь еще допустимы, по мнению буржуазных лингвистов, ссылки на «внешние» общественные причины. Что касается внутренней истории языка, где прослеживаемся процесс возникновения и изменения фактов речи, то здесь язык рассматривается «в самом себе и для себя». Этот типичный для современного зарубежного языкознания разрыв между внешней и внутренней историей поддерживается в полной мере реакционными лингвистами у нас. Большинство вузовских учебников по истории языка

построено так, что в них факты так называемой внутренней истории языка или «исторической грамматики» излагаются без всякой связи с историей общества (см.: [М.В.] Сергиевский «История французского языка», Б.А. Ильиш «История английского языка» и т.д.), что в известной степени объясняется неразработанностью истории отдельных языков с материалистической точки зрения.

В противовес идеалистическому языкознанию советское материалистическое языкознание опирается на известное положение Маркса и Энгельса, что «ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они суть только *проявления* действительной жизни» (Соч., т. IV, стр. 435). Следуя этому указанию, Н.Я. Марр выдвигал необходимость материалистического обоснования самого процесса возникновения и изменения форм речи. «Недостаточно, — требовал Н.Я. Марр, — говоря о языке, характеризовать его чересчур общей фразой: язык есть социальный факт, как это выходит у французских лингвистов во главе с [А.] Мейе. Обходится молчанием генетический вопрос; между тем язык есть сам создание общестственности» (Избр. раб., т. III, стр. 56). Все факты языка, утверждает Н.Я. Марр, социально обусловлены. Задача лингвиста-материалиста заключается в том, чтобы вскрыть социальную обусловленность всех языковых процессов, от изменения значений слов и грамматических форм до процессов изменения звуков речи. Разрыв между «внешней» историей языка и «внутренней» (или историей языка и т.н. исторической грамматикой) подлежит путем развертывания исторических исследований на основе марксистско-ленинской методологии решительному устранению. Теория «имманентности» языкового развития должна быть отброшена как вредная идеалистическая теория, мешающая объективному и правильному познанию явлений речи. Говоря о социальной обусловленности всех языковых явлений, Новое учение о языке вместе с тем учитывает различия в социальной обусловленности разных сторон языка. Отражающиеся в языке категории сознания и основные понятия обусловлены в своем развитии развитием практической деятельности людей и ходом общественного познания природы и общества, между тем как, скажем, изменения звуков зависят от ряда причин (смешения разноязычного населения в результате роста обмена, политических событий и т.д.). Новое учение о языке учитывает здесь указание Энгельса о невозможности объяснить экономически «существование каждого маленького немецкого государства в прошлом» или «объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных» (Соч., т. XXVIII, стр. 245–246).

Борьба материализма против идеализма в языкознании является вместе с тем борьбой против формалистического извращения фактов языка.

Формализм в языкознании является одной из наиболее отвратительных черт буржуазного языкознания. Сущность его сводится к непониманию диалектических взаимоотношений между языком и мышлением, к неумению выделять содержащиеся в языке понятия и категории мысли. Так как смысловое содержание является основной и определяющей стороной языка, то это значит, что основное содержание языковых форм ускользает от буржуазных языковедов и исследование языка сводится к внешнему и поверхностному описанию языковых форм.

Формалистическое извращение языка выражается либо в непосредственном отождествлении формы и смыслового содержания, либо в полном отрыве формы от содержания. Обе разновидности формализма ведут к неправильным методологическим и политическим выводам и весьма часто тесно переплетаются между собой в работах буржуазных языковедов. Отождествляя форму и мыслительное содержание языка, буржуазные языковеды приходят к биологическим и расистским построениям, согласно которым каждый язык, формально отличаясь от других языков, является выражением особого, неизменного и неповторимого, испокон веков данного и не развивающегося «национального духа». При этом формы родного языка рассматриваются шовинистически настроенными буржуазными языковедами как наиболее совершенные формы, как носители наиболее «благородного» и «высокого» национального духа. Эта шовинистическая теория языка была в свое время основательно разгромлена выдающимся представителем русской передовой революционно-демократической мысли Н.Г. Чернышевским. Эта теория усиленно проповедовалась фашистским языкознанием в гитлеровской Германии. В настоящее время она поставлена на службу англо-американского империализма, усиленно пропагандирующего английский язык в качестве наиболее «совершенного» языка. При этом «совершенство» этого языка и «превосходство» его над всеми прочими «доказывается» тем, что в английском языке грамматические категории выражаются главным образом «аналитическими» средствами, т.е. предложениями, вспомогательными глаголами и т.д., в то время как в русском языке такие отношения нередко выражаются падежами или спряжением глагола, что третируется подобными лингвистами как отражение «отсталого» и «низшего» типа мышления. Как ни странно, но эта, с позволения сказать, теория пропагандируется в наших учебных пособиях по английскому, французскому и немецкому языкам. На этой «идее» построена, например, вся «История английского языка» проф. Б.А. Ильиша. Эта «теория» проникает даже в руководства по русскому языку. Так, например, в книге «Русский язык» (Учпедгиз, 1947) акад. В.В. Виноградова читаем: «В современном русском языке *еще не достигшем* (разрядка

наша) аналитизма таких языков, как французский, падежная форма переобременена значениями» (стр. 167–168). Выходит, что русскому языку еще предстоит догонять французский по части «разгрузки падежей». На стр. 289–290 того же пособия, на основании чисто формальных сопоставлений, пространно доказывается, что в западноевропейских языках категория числа «освобождена от предметности» и «понятие числа больше математизировано» и что ряд форм, наличных в языке математики, «не умещается в систему грамматических категорий русского языка». И все это потому, что русский язык недостаточно «аналитичен». Так как акад. В.В. Виноградов непосредственно отождествляет формы числительных с «математическим мышлением», то у него получается, что русский язык — носитель менее отвлеченного и менее развитого типа математического мышления. Этот поклеп на русский народ и русский язык, как и подчеркивание мнимого превосходства западноевропейских языков над русским, по существу неверны, а при нынешней международной ситуации приобретают еще вредный политический характер.

С другой стороны, полный отрыв языка от мышления в работах буржуазных языковедов приводит к буржуазно-космополитическим «идейкам», согласно которым различия между языками сводятся только к формальным различиям, за которыми скрывается одно и то же, исторически неразвивающееся и лишенное всякой национальной окраски и черт самобытности, «общечеловеческое», «надисторическое» и «универсальное» мышление. При такой постановке вопроса буржуазный исследователь считает ненужным ставить вопросы истории мышления в связь с историей языка и не учитывает своеобразные вторичные оттенки мысли, наслаивающиеся в каждом языке на основные понятия и категории, придающие каждому национальному языку своеобразную национальную окраску. Согласно такому формалистическому толкованию, каждый язык это только система условных и произвольных знаков, служащих для выражения понятий, и отдельные языки отличаются друг от друга не больше, чем одна система сигнализации, скажем, сигнализация ракетными огнями, отличается от другой, например, сигнализации флагами или выстрелами. Эта теория знаковости языка была развита де-Соссюром и является одним из основных положений современного «структурализма». Рассматривая язык как систему знаков, эта теория отказывается от исследования отношения языка к действительности и отстаивает не только отрыв языка от мысли, но вместе с тем также отрыв языка и мышления от действительности. Категории языка берутся здесь не в их реальном познавательном значении, не как отражение определенных сторон действительности, а как таковые, обособленно от действительности.

В советском языкознании эта вредная буржуазная теория про-пагандировалась в работах В. Волошинова, Р. Шор, А. Чикобавы, [А.А.] Реформатского и др. Эта «теория» до сих пор имеет хождение в наших вузовских учебниках по введению в языкознание.

Советское материалистическое языкознание исходит в своем понимании языка из указания Маркса и Энгельса, что язык — «действительное практическое сознание» (Соч., т. IV, стр. 19), что, как указывал Ленин, «история языка отражает историю мысли» («Философские тетради», 1947, стр. 297). Руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, Н.Я. Марр развил учение о диалектическом единстве языка и мышления. Все в языке связано с мыслью. «Нет не только слова, но и ни одного языкового явления..., нет ни одной частицы звуковой речи, которая при возникновении не была бы осмыслением...» (Избр. раб., т. III, стр. 111). Но вместе с тем Н.Я. Марр вскрывал сложность и противоречивость языковых связей с мыслительным содержанием речи. Он указывал на то, что слова и грамматические категории более непосредственно отражают историю мысли, чем морфология языка и звуки речи. Указывая на сложную диалектику формы и содержания в языке, Марр выделял словарь и синтаксис в качестве важнейших сторон языка, насыщенных мыслительным и идеологическим содержанием. Подчеркивая определяющее значение смыслового содержания речи, Н.Я. Марр призывал лингвистов перенести центр тяжести с изучения наиболее формальных сторон языка — звуков речи и морфологии — на лексикологию и синтаксис, подчеркивая, что сами звуки языка и внешние формы только тогда могут быть правильно поняты, когда они изучаются в связи с историей значений слов и грамматических форм. Именно в истории слов и грамматических форм прежде всего находит себе отражение поступательный ход общественного развития. Изучение словаря позволяет вскрыть рост языка в процессе развития общества и классовой борьбы. Новое учение о языке требует от лингвистов выявления реального познавательного значения категорий речи.

Принципиальное отличие нового материалистического языкознания от старого идеалистического языкознания сказывается также в вопросах понимания истории языка в ее отношении к современности.

Идеалистическое языкознание, занимавшееся изучением внешних форм языка и неспособное проникнуть в мыслительное содержание языковых форм, свело всю историю языка к истории отдельных звуков и элементов морфологии. При этом из-за формалистического исследования связь между отдельными явлениями не выявлялась, и вся история языка выступала как бесконечное нагромождение случайностей, как масса единичных неповторимых

и индивидуальных явлений, не стоящих ни в какой связи одно с другим. В итоге буржуазные историки языка приходили к выводу, что история это сплошной поток единичных изменений, в котором нет никакого прогресса, никакого движения вперед, в котором древнейшие этапы ничем не хуже и не лучше позднейших этапов. В этом основа соссюрианского взгляда на историю, объективистского в своей сущности. Возврат к мистическому языку средневековья столь же оправдан, как и движение вперед, — сказал один из виднейших соссюрианцев, современный французский языковед Ж. Вандриес. С таким извращенным пониманием истории, как процесса, лишённого исторических закономерностей, связано и стремление ряда буржуазных языковедов вообще отказаться от исторического исследования языка. «Необходимо, — говорит один из виднейших американских лингвистов Э. Сэпир, — отказаться от “эволюционистических” предрассудков, проникших в середине прошлого века в социальные науки», прозрачно намекая таким образом на марксизм. Книги Соссюра, Вандриеса и Сэпира переведены на русский язык и используются в качестве учебных пособий в вузах нашей страны. Отрицая идею развития в языке, буржуазные языковеды настаивают на изучении современности в отрыве от истории, утверждая, что изучение современности ничего общего не имеет с историей и что для понимания процессов, протекающих в современном языке, не нужно знать предшествующей истории языка. В итоге понимание современности у буржуазных языковедов лишается актуальности, в исследовании современного языка не прослеживается борьба нового со старым, вновь возникающих явлений с отжившими, и все сводится к поверхностному описанию внешних сторон языка. В советском языкознании такой соссюрианский взгляд на историю языка и ее отношение к современности, отрицание закономерностей в истории языка и нежелание изучать язык в его реальном развитии от низших форм к высшим отставал покойный русист Г.О. Винокур в статье «О задачах истории языка» (Уч. записки Моск. гор. пед. ин-та, вып. I, 1941, стр. 3 слд.). Соссюрианское понимание истории фактически отставал акад. В.В. Виноградов в статье «Учение А.А. Потебни о стадильности синтаксического развития в славянских языках» (Вестник МГУ, № 3–4 за 1945 г.). Эту же идею отставал польский лингвист [Е.] Курилович на страницах Известий нашей Академии Наук в статье «Эргативность и стадильность в языке» (Изв. отд. языка и лит., 1946, стр. 387–394). Соссюрианскими идеями поверхностного историзма и отрыва истории от современности пронизаны многие наши вузовские курсы по истории и современному языкам.

Акад. Н.Я. Марр резко возражал против поверхностного историзма буржуазного направления в лингвистике. Он резко протесто-

вал против трактовки истории как потока случайностей и впервые выдвинул в языкознании идею последовательного развития языковых форм. Н.Я. Марр опирался при этом на известное высказывание Маркса во «Введении к критике политической экономии», что «хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» (Соч., т. XII, ч. I, стр. 175). Новое материалистическое учение о языке исследует процесс развития языка в связи с развитием общества, понимая этот процесс диалектически. Оно прослеживает сложные и противоречивые изменения языка, учитывая превращение количественных изменений в качественные, учитывая также изменения языка, когда речь идет «о перевоплощении в очередной новейший тип» (Н.Я. Марр. Избр. работы, т. I, стр. 236). На этой основе Н.Я. Марр сформулировал положение о стадийном развитии языка и мышления, согласно которому в процессе развития речи наблюдаются известные закономерности, обусловленные процессом развития материальной общественной жизни.

Стадийное исследование языка предполагает выявление важнейших этапов развития языка и мышления. Но оно не останавливается на общих закономерностях и необходимо прослеживает также, как самобытно и своеобразно проявляются эти закономерности в каждом отдельном языке. «Наукой о языке, — писал акад. Н.Я. Марр, — может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит и намечает принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка» (Сб. «Языковедение и материализм», 1929, стр. 1). Это же важное обстоятельство подчеркивает и акад. И.И. Мещанинов. Он пишет: «Единый процесс развития человеческой речи различен в своем внешнем выявлении и представляет резкие расхождения в строе каждого языка. При таких условиях общее языкознание должно показать на конкретном языковом материале не только родство и близость морфологии, синтаксиса и т.д. в тех случаях, когда это действительно имеется налицо, но главным образом различия их в различных языках и в различные периоды исторического их движения, выявить их как отдельные проявления общего глоттогонического (языкотворческого) процесса» (Общее языкознание, 1940, стр. 8).

Новое глубокое понимание исторического процесса в материалистическом языкознании связано с новым глубоким пониманием современности. В строе явлений речи на любой ступени развития должны быть выявлены внутренние противоречия, ибо в языке яв-

ления, по глубокому определению товарища Сталина, «имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные» (История ВКП(б), Краткий курс, гл. 4-ая). При таком понимании строй языка это не система взаимоуравновешенных и мирно сосуществующих элементов, как это получается у Соссюра и его последователей, а сложная система, в которой происходит борьба противоречивых тенденций и сторон. Конкретный показ этой противоречивости как в идеологическом содержании речи, так и в ее формальных сторонах должно составить основную задачу при изучении современных языков.

Поставив изучение языка на широкие исторические основания, Н.Я. Марр впервые вывел [языковедение] из узкой академической кельи на широкие просторы жизни. Благодаря исследованиям Н.Я. Марра лингвистика стала актуальной обществоведческой дисциплиной, увязанной с экономической и политической историей края, историей материальной культуры, этнографией и т.д. Вопросы языка, которые до Марра представлялись отрешенными и далекими от жизни, получили в его учении небывалую общественно-политическую остроту и актуальность для решения важных задач культурного строительства в нашей стране.

Весьма важным является отличие Нового учения о языке от буржуазного идеалистического языкознания в вопросе о происхождении языковых групп или систем (например, индоевропейских, финно-угорских, тюркских и др.). Формально-генетическая концепция языкового развития буржуазной лингвистики до сих пор еще тяжелым гнетом лежит на исследованиях в области истории языков, а особенно на преподавании ее в высшей школе. Особенно это относится к изучению языков, входящих в состав так называемой индоевропейской системы. Историческая морфология и фонетика этих языков в течение почти полутора веков являлась основным объектом исследований буржуазного языкознания, так называемой индоевропеистики, и поэтому в трактовке их сложились чрезвычайно прочные традиции, основанные на праязыковой теории, объясняющей все элементы материальной близости между языками общностью их происхождения от единого предка. Идеологическая неприемлемость праязыковой концепции языкового родства, основанной на расистской теории биологически отличных друг от друга «прародов», давно уже вскрыта представителями передового советского языкознания, прежде всего трудами основателя Нового учения о языке Н.Я. Марра. Но и сейчас еще некоторые языковеды

у нас в стране, продолжающие стоять на позициях индоевропеистики, позволяют себе открыто говорить о праязыках ([Л.А.] Булаховский, [П.С.] Кузнецов о праславянском, [А.А.] Фрейман об отсутствии языковых различий в древнеиранский период). Широкое хождение имеет «Введение в сравнительную грамматику языков» известного французского лингвиста Мейе, переизданное в 1938 г. Авторы предисловия и примечаний к этому изданию проф. [М.В.] Сергиевский и [Р.О.] Шор совершенно дезориентирует советского читателя своими утверждениями о том, что Мейе якобы преодолел «праязыковую» концепцию, придавая реконструкции лишь «условное значение». Между тем «праязыковая» концепция остается в основе всех работ Мейе. Мейе лишь прикрывает ее агностическим утверждением условности всех исторических выводов. Главная же опасность состоит в том, что пока не проведены коренные переосмотр и перестройка истории конкретных языков с позиции Нового учения о языке, пока на самом языковом материале формально-генетической трактовке вопросов фонетики, морфологии, лексикологии не будет противопоставлено подлинно историческое объяснение соответствующих фактов, до тех пор преподавание этих дисциплин в высшей школе неминуемо будет оставаться в плену традиционных установок буржуазной лингвистики, искажающих реальную историю языков и говорящих на них народов.

Поэтому исследования в области сравнительной грамматики языков, исторически связанных между собою элементами материальной общности, являются неотъемлемой задачей борьбы с буржуазным языкознанием и имеют существенно важное практическое значение для перестройки преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе.

С решением вопроса о сложении материальной общности между языками как внутри отдельных групп (славянской, иранской, германской и т.д.), так и внутри системы (в данном случае индоевропейской) в целом неразрывно связаны вопросы древней истории говорящих на этих языках народов.

Буржуазная лингвистика своей формально-генетической трактовкой языкового родства биологизировала проблему языковой преемственности, искажала подлинную историю языков и создавала этим почву для откровенно расистских построений в области истории, тесно увязанных с политикой империалистических держав. Подлинно научное, историко-материалистическое исследование фактов соответствий и схождений между языками, схождений, восходящих к древнейшим периодам сложения лингвистических и этнических единств, составивших исторически известные народности, даст неоценимый материал как для изучения истории самих языков, так и для изучения отразившейся в этих фактах истории народов. Общее направление такого исследования указано

Н.Я. Марром, который еще в 1924 г. писал о том, что индоевропейские языки представляют собой не расовую семью, а качественно новое порождение сложной степени скрещения. Это положение требует дальнейшей разработки и уточнения как со стороны самих языковедов, так и со стороны работников смежных областей — историков древнего мира, археологов, этнографов.

При исследовании вопроса о сложении и языковой системы в целом и отдельных языковых групп (например, славянской, кельтской, иранской, германской и др.) внимание должно быть направлено не только на моменты схождения, но и на моменты различий, которые в не меньшей мере являются реальными историческими фактами, отразившими процессы формирования языков в условиях определенных исторических связей между племенами и народностями в древние эпохи. При этом исследование не должно замыкаться в установлении материальных соответствий внутри одной языковой системы, как это обычно является характерным для индоевропеистики. Изучение материальных связей между разносистемными языками является неотъемлемым элементом подлинно исторического изучения вопросов формирования языковых систем. Как нельзя заниматься историей сложения русского языка вне учета его чисто материально-исторических отношений с языками угро-финскими, тюркскими и др., так нельзя обходить эти же и аналогичные вопросы при постановке проблемы происхождения любого из языков, входящего так же как русский в состав противоречивого и довольно условного единства, именуемого индоевропейской системой.

Исследование вопросов сравнительной грамматики и лексики не должно ставить себе целью установление черт сходства и различия самих по себе; сравнение ради сравнения является задачей формалистического языковедения, имеющего своей конечной целью реконструкцию убогой схемы вымышленного первичного единства. Для советского языковеда сравнение должно быть подчинено задаче исторического исследования конкретных языков.

Наиболее отчетливо все эти вопросы встают в связи с изучением языков индоевропейской системы, так как на их материале преимущественно и слагался формально-генетический метод буржуазной лингвистики. Но не меньшую остроту они имеют и для изучения языков других систем — финно-угорских, тунгусо-манчжурских, кавказских и др.

Состояние изучения материально-исторической общности между языковыми группами нужно признать весьма неблагоприятным. Исследование этой важнейшей проблемы является необходимым моментом для изучения истории конкретных языков и тесно связано с исследованием истории говорящих на них народов. На основании общих положений материалистического языкознания

методологические принципы этого исследования должны быть коренным образом пересмотрены.

Отличие материалистического языкознания от идеалистического идет далее по линии отношения к языковой практике.

Буржуазное языкознание отличается субъективистским подходом к явлениям речи. Если отрицать развитие в истории языка, если стоять на реакционной точке зрения, согласно которой в языке наблюдается только случайная смена форм, в которой нет ни прогресса, ни регресса, то ни к чему заниматься работой по подтягиванию отсталых языков до уровня высокоразвитых. Если всякий факт языка это просто «знак» понятия и ничего больше, то к чему заменять крестьянские говоры более высокими формами развития литературной речи? Если всякое слово одинаково хорошо выполняет функцию знака, то к чему бороться со всякого рода «паразитивным словесным хламом», засоряющим, по выражению Горького, язык, — к чему борьба с ненужными заимствованиями из иностранных языков, с излишними диалектизмами, с провинциализмами, со словам воровского жаргона, проникающими в язык, и т.д.? Такие выводы и делали сплошь и рядом буржуазные лингвисты, отстаивая «беспристрастие» к фактам, принципиальную «равноценность» всех языковых фактов, необходимость лишнего «предвзятых оценок» подхода ко всем фактам языка (такова была, например, точка зрения акад. А.А. Шахматова). В эту тогу лживой объективности и научного беспристрастия любят маскироваться некоторые лингвисты в нашей стране [Речь о В.В. Виноградове. — *П.Д.*], предпочитающие заниматься арготизмами (словами воровской речи), любовно собирающие похабщину под видом изучения профессиональных языков, в самом литературном языке любовно отбирающие слова с отрицательным значением и охотно исписывающие многие страницы на тему «Еще к вопросу о слове “никчемный”» или «кураселить» [sic!] и т.д.

Передовое направление в советском языкознании выросло на базе огромной практической работы в области многочисленных языков Советского Союза, развернувшейся в соответствии с нуждами культурного строительства и осуществления благородных принципов ленинско-сталинской национальной политики. Советская материалистическая лингвистика рассматривает язык как «могучий рычаг культурного подъема», как величайшую «историческую ценность» (Н.Я. Марр). Такой взгляд на язык требует величайшей осмотрительности в практической работе над языком, непрестанной заботы о нем в духе указаний Ленина и Сталина, предостерегавших нас от порчи языка, рассматривавших всегда язык как великое «орудие развития и борьбы» (Сталин. Соч., т. I, стр. 44). Работы в области языка стали у нас неотъемлемой частью культурной революции. Помимо работы по нормированию и дальнейшему совер-

шенствованию давно выработанных литературных языков с богатой исторической традицией, как русский, обогащенных и поднявшихся на новую ступень после Великой Октябрьской революции, в нашей стране проделана гигантская работа по созданию новых литературных языков для ранее малоизвестных и полузабытых народностей, вызванных социалистической революцией к новой жизни. Выработка орфографических правил и школьных пособий, разработка словарей и грамматик, установление норм литературного произношения, осуществление переводов выдающихся произведений передовой научной и художественной мысли и, в первую очередь, произведений Ленина и Сталина, Маркса и Энгельса на национальные языки, — такова обширная практическая работа, проделанная при прямом и непосредственном участии передового материалистического языкознания.

II. Ошибки и недостатки Нового учения о языке на современном этапе его развития

Новое учение о языке в своем развитии проходило последовательные этапы, отражавшие рост молодой советской науки. Подчеркивая, что традиционная так называемая индоевропейская «лингвистика есть плоть от плоти и кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока с их убийственной колониальной политикой», Н.Я. Марр вместе с тем отдавал себе отчет в том, что новое материалистическое языкознание зародилось на базе старого языкознания, разумеется, как антитеза к нему, и что оно «с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы» (Избр. работы, т. I, стр. 222).

В борьбе за утверждение материализма в языкознании Н.Я. Марру пришлось выдержать острую борьбу. Против него выступали представители традиционного языкознания (проф. Поливанов и др.), нередко маскируя свои выступления фразами о «борьбе за марксизм» в языкознании. Отстаивая позиции материализма в языкознании, Н.Я. Марр сам неоднократно пересматривал свои взгляды в плане все большего приближения их к марксизму.

Все научное развитие Н.Я. Марра в советские годы протекало под знаком острой самокритики. Н.Я. Марр не один раз указывал, что, как он выражался, по части марксизма в его теории «есть что исправить и что подправить». Необходимо отметить, что инициатором и застрельщиком такого критического пересмотра всегда являлся сам Н.Я. Марр, вследствие чего его учение проделало при жизни Н.Я. Марра ряд этапов, последовательно приближаясь к марксизму-ленинизму.

Говоря о недостатках и ошибках учения Н.Я. Марра, необходимо, следовательно, различать ошибки, преодоленные самим Марром при его жизни, и ошибки, которые пришлось преодолевать после смерти Н.Я. Марра. Об ошибках первого рода не стоило бы говорить, если бы до сих пор не находились люди, готовые «признать» Марра в части ошибочных и давным-давно преодоленных сторон его учения. Так, например, используя некоторые ошибки Н.Я. Марра по линии переоценки роли магов и шаманизма в первобытном обществе, — воззрения, отброшенные самим Марром в конце 20-х годов, некоторые ученые (В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский) создали легенду о глубоком органическом влиянии [А.Н.] Веселовского на Марра, пытаясь возвеличить Веселовского за счет Марра. Между тем, разработанное на основе материалистической диалектики учение Н.Я. Марра резко отличается от реакционного либерально-позитивистического учения Веселовского. В своем юбилейном докладе, читанном на торжественном заседании в 110-летнюю годовщину Ленинградского Университета, Н.Я. Марр, хотя и отозвался с симпатией о ряде старых профессоров Университета, в том числе и о Веселовском, тем не менее счел нужным подчеркнуть, что его учение является «пролетарской антитезой» буржуазному языкознанию. «И родина этого нового учения, — подчеркивал Н.Я. Марр, — не университет и не академия, а жизненные социально-экономические условия вне каких-либо стен с их массовостью потребителя и классовостью борьбы. Вскрытое лингвистически непримиримое противоречие старого... и нового... языкознаний есть лишь отображение материально-жизненной антитезы современных социально-экономических противоречий, сигнализирует... классовую борьбу, вскрытую марксизмом, частью которого становится новое учение о языке» (Избр. раб., т. I, стр. 272).

К числу ошибок, не преодоленных самим Н.Я. Марром, следует отнести переоценку т.н. элементарного анализа, превращавшегося в ряде работ Н.Я. Марра и в особенности в работах некоторых его учеников в средство формального сравнения языков. В основе элементарного анализа Марра лежат важные открытия в области истории звуков речи, заключающиеся в том, что звуки речи первоначально носили нерасчлененный слоговой характер и лишь много позднее приняли их нынешний вид. Незавершенность этого учения в деталях на практике, однако, часто приводила к тому, что конкретно историческое исследование языков подменялось внешними сопоставлениями. Другим крупнейшим недостатком учения Н.Я. Марра была незавершенность стадийной периодизации языка и мышления. В силу этого важнейшее положение Марра о зависимости развития речи от ступеней общественного развития осталось недостаточно конкретизированным, что не могло не вести к ряду недоразумений. В целом, однако, Марр заложил фундамент

для такой периодизации, открыв ряд важных явлений в истории значений слов и указав на громадное значение синтаксиса для восстановления реальной истории грамматических категорий.

После смерти Н.Я. Марра в 1934 году его ученики и последователи продолжали развивать учение Н.Я. Марра, преодолевая ошибочные стороны этого учения. Во главе работ по Новому учению о языке становится с этой поры акад. И.И. Мещанинов, капитальные труды которого «Новое учение о языке», «Общее языкознание», «Члены предложения и части речи» являются определяющими для нового периода. Положительными достижениями нового периода явилось уточнение методов сравнительного анализа, осуждение формального использования анализа по элементам и историческая разработка ряда важных вопросов синтаксического строя языка.

Нельзя, однако, не отметить ряда существенных недостатков в работе нового периода, которые отчасти являются следствием неполного преодоления недостатков учения Н.Я. Марра, а отчасти выросли в результате забвения ряда положительных сторон учения Н.Я. Марра и ослабления, особенно за последние годы, борьбы с буржуазным языкознанием.

Следствием неполного преодоления недостатков учения Марра явилось то, что, несмотря на значительные успехи анализа грамматических форм, до сих пор не разработана в важнейших чертах периодизация важнейших явлений речи в зависимости от истории общества, основных типов производственных отношений и развития борьбы классов. В итоге важнейшие материалистические положения Нового учения с языке звучат во многих случаях недостаточно конкретно.

Непростительный отход от Н.Я. Марра выразился в том, что всеобъемлющее по своей проблематике общее языкознание Н.Я. Марра в значительной степени сузилось до пределов изучения одного синтаксиса. Представители Нового учения стали мало заниматься в широком историческом плане проблемами фонетики, морфологии и лексики. У представителей нового учения о языке резко упал интерес к проблемам этно- и глоттогонии. В результате этого те стороны Нового учения о языке, которые были более всего неприемлемы для буржуазных языковедов в значительной мере перестали быть боевым оружием учеников и последователей Н.Я. Марра. Серьезной помехой в творческом развитии передового советского языкознания является «совершенно недостаточное развитие большевистской критики и самокритики». «Академические» традиции, проявляющиеся в терпимом отношении к явным ошибкам теоретического порядка, в течение долгого времени являлись господствующим тоном на лингвистических собраниях.

Все это ставит в порядок дня всемерное развитие творческой критики и самокритики в рядах сторонников Нового учения о языке, неослабной борьбы со всякого рода примиренческими настроениями по отношению к реакционной науке, дальнейшую творческую разработку учения Н.Я. Марра и восстановление положительных сторон этого учения в полном объеме в целях наиболее последовательного и полного разгрома реакционного зарубежного языкознания и его низкопоклонных последователей в нашей стране.

III. Положение с изучением русского языка

Определив принципиальные расхождения представителей двух направлений, перейдем к характеристике положения конкретных лингвистических дисциплин.

Изучение русского языка за последние годы имеет определенные успехи. Опубликованы и подготавливаются к печати работы, имеющие большое теоретическое и практическое значение. В 1946 г. вышла в свет книга акад. С.П. Обнорского «Очерки русского литературного языка старшего периода», удостоенная Сталинской премии. Акад. С.П. Обнорский показал несостоятельность гипотезы Шахматова о «древнецерковнославянской основе» русского литературного языка и предложил новую концепцию, согласно которой истоки русского литературного языка лежат в древнерусской народной речи. Теоретические положения книги акад. С.П. Обнорского, как и ряда других его работ последнего времени, несомненно стоят в связи с общетеоретическими основами учения Н.Я. Марра. Группа языковедов-русистов, учеников Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова или их последователей (проф. Ф.П. Филин, проф. Н.П. Гринкова и др.) в своей исследовательской работе (главным образом, в области истории русского языка и его говоров) претворяет и развивает положения Нового учения о языке на русском лингвистическом материале.

Коллектив сотрудников Института русского языка АН СССР готовит к печати: пятнадцатитомный словарь современного русского литературного языка (первый том словаря вышел, II том сдан в печать, идет работа над III и IV томами), двенадцатитомный исторический словарь русского языка (сдан в печать I том, готовятся к печати II и III тома), академическую грамматику в двух томах (оба тома будут готовы в 1949 году), тринадцатитомный диалектологический атлас русского языка, полный словарь языка Пушкина.

Под руководством акад. С.П. Обнорского подготовлен новый свод орфографических правил, орфографический словарь, однотоменный словарь современного русского литературного языка.

Огромная значимость перечисленных выше тем для дальнейшего развития русской речевой культуры — вне всякого сомнения. Некоторые работы (например, изучение русской народной речи и готовящийся в связи с этим изучением диалектологический атлас) по своему объему, количеству участников и целям не имеют прецедента в истории русской и мировой науки; их выполнение стало возможным благодаря исключительно благоприятным условиям, в которых находится наука в Советском Союзе.

И все же положение с изучением русского языка внушает серьезную тревогу. Наличие в русском языке идеалистического направления грозит нанести огромный ущерб делу дальнейшего изучения русской речи.

В работах языковедов-русистов до сегодняшнего дня еще широко распространены устаревшие методы исследования, проводятся лженаучные идеи, которые противопоставляются материалистическому языкознанию — Новому учению о языке. Языковеды-русисты, среди них прежде всего акад. В.В. Виноградов, чл.-корр. АН СССР Л.А. Булаховский, проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С. Кузнецов, проф. М.Н. Петерсон и др., игнорируя учение Н.Я. Марра, отстаивают идеалистическую методологию буржуазно-либеральных лингвистов дореволюционной России (акад. Ф.Ф. Фортунатова, акад. А.А. Шахматова, а также их учеников Н.Н. Дурново, А.М. Селищева и др.) и ориентируются на современных буржуазных западноевропейских языковедов, в том числе на русских белоэмигрантов и невозвращенцев (князя Н.С. Трубецкого, Р. Якобсона, переметнувшегося в США).

Указанная группа языковедов за последние годы опубликовала ряд статей и сборников, в которых пропагандируется методология буржуазного дореволюционного языкознания. Панегирическую статью о Ф.Ф. Фортунатове опубликовал проф. М.Н. Петерсон: «Фортунатов и московская лингвистическая школа» (Ученые записки МГУ, вып. 107, 1946). Ф.Ф. Фортунатов — известный языковед-идеалист, родоначальник формалистического направления (в его наиболее ярко выраженной форме) в русском языковедении, в историко-лингвистических своих исследованиях всецело опиравшийся на гипотезу «праязыка» и формально-генетический метод. Проф. М.Н. Петерсон — один из самых усердных его почитателей. В статье проф. М.Н. Петерсона нет даже намек на критику формалистических концепций Фортунатова. Более того, по мнению проф. М.Н. Петерсона многие положения Фортунатова «сохранили полное свое значение», многие «не только не получили полного развития, но ждут еще дальнейшей разработки» (стр. 28–29). К таким положениям проф. М.Н. Петерсон относит широкое понимание Фортунатовым буржуазного формально-генетического метода («в этом отношении здесь еще все впереди», замечает М.Н. Петерсон

на стр. 29) и формалистическое учение Ф.Ф. Фортунатова о формах словоизменения и формах словообразования, которое, по мнению М.Н. Петерсона, «получило, можно сказать, почти общее признание в русской лингвистике» (стр. 30). Сам проф. М.Н. Петерсон в своих работах по русскому языку довел метод Фортунатова до степени крайнего формализма. В указанной выше статье он подчеркивает зависимость своих «трудов» от методологии Фортунатова: «В своем “Очерке синтаксиса русского языка”, 1923, я стремился последовательно провести точку зрения Фортунатова», «я не говорю уже о “Лекциях по современному русскому литературному языку”, 1941, автора этой статьи, который стремился строго следовать методу Ф.Ф. Фортунатова» (стр. 30). Стремясь «повысить авторитет» Фортунатова в глазах советского читателя, проф. М.Н. Петерсон пишет, что положения Фортунатова сохраняют значение и «в наши дни», для подтверждения чего он ссылается на... «Индогерманскую грамматику» фашистского немецкого профессора Х. Хирта (стр. 29)!

Проф. М.Н. Петерсон не дал и не желает дать должной критики порочной методологии работ Фортунатова и своих собственных. В своем выступлении на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР 27 октября с.г. он и не подумал осудить свои ошибки. Если что и появляется «нового» в его статьях, то это попытки подражать швейцарскому языковеду Ф. де-Соссюру (см., например, его статью «Проблема метода в языкознании», Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ, вып. I, 1946).

Противники материалистического языкознания в еще большей степени противопоставляют учению Н.Я. Марра идеалистические концепции акад. А.А. Шахматова, ученика Ф.Ф. Фортунатова. Акад. А.А. Шахматов стоял на тех же позициях «праязыковой» гипотезы, «уточняя» эту гипотезу на материалах русского и других славянских языков. В своих исследованиях по русскому литературному языку он проводил неверную идею о заимствованной церковнославянской (древнеболгарской) основе русского литературного языка. Для него вообще было характерно весьма широкое и ложное истолкование заимствований в русском языке (Шахматов, например, был горячим поклонником «варяжской теории» происхождения Руси, без основания усматривал в русских говорах всякого рода «ляшские», т.е. древнепольские черты и т.п.). А.А. Шахматов при изучении истории русского и других славянских языков проводил весьма широкие исторические сравнения и параллели, однако, его историческая концепция была насквозь идеалистической, типичной для буржуазно-либерального ученого, члена ЦК кадетской партии. И вот в наш дни большая группа языковедов-русистов пытается сделать Шахматова своим знаменем в противо-

вес Н.Я. Марру, как недавно группа литературоведов пыталась сделать своим знаменем Веселовского.

В 1947 г. в издании Академии Наук СССР вышел сборник «А.А. Шахматов». И в предисловии к сборнику, и в статьях В.И. Чернышева, Е.С. Истриной, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского и других авторов проводится одна и та же мысль: А.А. Шахматов — «центральная фигура среди всех русистов конца XIX — начала XX века», «величайший научный авторитет» (стр. 7), у которого советские языковеды должны неустанно учиться.

В «Ученых записках МГУ», вып. 128, 1948, напечатана статья акад. В.В. Виноградова «Русский литературный язык в исследованиях А.А. Шахматова». Излагая взгляды Шахматова на русский литературный язык, автор статьи снабжает их малосущественными критическими замечаниями и весьма изрядной долей восхваления методологической концепции своего учителя. Там, где нужно хотя бы для видимости сделать осуждение теоретических воззрений Шихматова, В.В. Виноградов старается запутать читателя. Например, В.В. Виноградов пишет: «Строгий исторический метод анализа, оценки и понимания явления для Шахматова — основа научного реализма. Шахматов жадно ищет путей объективного и адекватного познания исторической действительности, разоблаченной от всяких покровов абстрактного философствования и субъективных настроений. Но он, как и многие другие представители академической науки конца XIX — начала XX в., был еще очень далек от методологии диалектического и исторического материализма» (стр. 3). Спрашивается, как можно говорить о Шахматове, как ученом, далеком от методологии диалектического и исторического материализма и в то же самое время обладающем «строгим историческим методом»? В.В. Виноградов может писать так о Шахматове только потому, что его собственные лингвистические воззрения целиком укладываются в рамки «строго исторического метода» индоевропеистики. И что это значит: Шахматов «еще далек от материализма», а не просто далек от него?

Кстати, в этой статье В.В. Виноградов без каких-либо критических замечаний излагает вредные в практическом отношении взгляды Шахматова. По мнению Шахматова, языковед не должен вмешиваться в языковые процессы, не должен давать какую-либо оценку языковым фактам, он должен оставаться беспристрастным и «объективным» регистратором речевых явлений, каковы бы они ни были! (стр. 10–11). Не ясно ли, что такая установка обезоруживает языковеда, делает его лишь пассивным наблюдателем стихийных процессов развития языка.

В другой своей статье о Шахматове В.В. Виноградов говорит еще определеннее, высказывая и свое методологическое [кредо]: «Отзывы А.А. Шахматова о научных исследованиях даровитой уни-

верситетской лингвистической молодежи важны для не только потому, что они заключают в себе ценные методологические указания и историко-грамматические соображения, но и потому, что они учат нас приемам глубоко принципиальной, тщательно обоснованной и идеологически требовательной научной критики» («Отзывы А.А. Шахматова о сочинениях на соискание медалей студентов С.-Петербургского университета», Доклады и сообщения ИРЯЗ АН СССР, вып. I, 1948, стр. 65).

Противники Нового учения о языке не ограничиваются попытками «утвердить» в советском языкознании методологически порочные теории Фортунатова и Шахматова. Воздаются хвалы и их ученикам, прямым и косвенным, стоявшим на позициях идеалистического языкознания. «Доклады и сообщения» филологического факультета МГУ, вып. 4, 1947 г., посвящены памяти А.М. Селищева, одного из известных сторонников «праязыковой» гипотезы и формально-генетического метода. В статьях акад. В.В. Виноградова, проф. Р.И. Аванесова и других авторов проф. А.М. Селищев рекламируется как «твердый сторонник сравнительно-исторического метода», обладавший «строгим историзмом как принципом лингвистической реконструкции» и т.п. Авторы статей выдают работы А.М. Селищева за образцы «настоящей» науки, которым следует только подражать. О недостатках А.М. Селищева говорится очень глухо, но и в этих немногих случаях авторы «подтягивают» Селищева к себе, беря его под свою защиту. Так, проф. Р.И. Аванесов пишет: «Советская лингвистика должна преодолеть эти недостатки Селищева. Но сколь многое должны преодолеть в себе некоторые из нас — “чистые” лингвисты, фонологи и грамматисты в своем абстрактном формализме, отсутствии выхода за пределы языкового ряда, в своем изучении языка в отрыве от истории его носителей!» (стр. 58). Такая оценка проф. Р.И. Аванесовым собственных работ совершенно правильна, но из нее не делается нужных выводов.

Отстаивание методологических принципов дореволюционного буржуазного языкознания сочетается с широким заимствованием «идей» из современной реакционной западноевропейской лингвистики. Книга акад. В.В. Виноградова «Русский язык» (1947) пестрит такими именами, как Ф. де-Соссюр, [Л.] Блюмфельд, [Э.] Сэпир, [Ж.] Вандриес, [О.] Йеспersen, [Г.] Шпербер, [А.] Марти и многими другими, идеалистические взгляды которых широко излагаются без какой-либо существенной критики вперемежку с идеалистическими взглядами Фортунатова, Шахматова, Бодуэна-де-Куртенэ и других дореволюционных русских буржуазных языковедов. Методологическая порочность книги В.В. Виноградова была достаточно вскрыта на лингвистических дискуссиях в Москве и Ленинграде в декабре 1947 года.

Уже после прошлогодних дискуссий акад. В.В. Виноградов напечатал краткое изложение (аннотацию) своей неопубликованной работы «Введение в синтаксис русского языка», в котором обещает читателям рассмотреть «этапы развития русской науки на фоне эволюции грамматических идей в западноевропейском языкознании» (Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I, 1948, стр. 176). В своей аннотации В.В. Виноградов собирается изложить грамматические взгляды [Н.И.] Греча, [Ф.Е.] Корша, [А.А.] Добиаша, [М.Н.] Петерсона и других языковедов старого направления, но ни слова не говорит о грамматических теориях Н.Я. Марра, имеющих¹ огромное принципиальное значение для науки о русском языке.

В ответственном решении кафедры русского языка филологического факультета МГУ «Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и задачи кафедры русского языка» содержится призыв учиться у Ф. де-Соссюра и его школы (Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. I, 1947, стр.96). Примеров такого низкопоклонства перед буржуазной западноевропейской наукой можно было бы привести много, причем дело здесь не в отдельных случайных ошибках, а в системе взглядов противников Нового учения о языке.

Проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров в изучении фонетического строя русского языка выдвигают так называемый фонологический метод, согласно которому фонема (социально-значимый звук речи) отрывается от реально произносимого звука, из понятия фонемы исключается социальное осознание значимости звука говорящими. Фонема превращается в некоего рода идеальную абстракцию, которая лишь затемняет изучение истории русской речи и ее современного состояния. Такого рода фонологический подход к языку имеет своим истоком «фонологическую теорию» белоэмигранта кн. Трубецкого и невозвращенца Якобсона. Указанные языковеды часто цитируют надуманные схемы Трубецкого и Якобсона, но пока нигде еще не выступили с критикой этой «модной» на Западе разновидности буржуазного языкознания. Доц. Н.С. Поспелов, работая над изучением категорий времени в русском языке, заимствует антиисторическое понимание временных категорий у югославского академика А. Белича, который пытается найти значения времени, неизменные и общие для всех эпох и языков (см. статью Н.С. Поспелова «Учение акад. А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе», Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. 3, 1947).

Как пособия для студентов и аспирантов (в том числе и русистов) переводятся на русский язык и издаются книги А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (М.-Л., 1938), Ж. Вандриеса «Язык» (М., 1937), Сэпира «Язык» (1934),

проф. П.С. Кузнецов перевел и подготовил к изданию книгу А. Мейе «Общеславянский язык», целиком основанную на теории «праязыка», и др. при полном игнорировании учения Н.Я. Марра. Реакционная гипотеза «праязыка» до сих пор имеет широкое хождение и в работах русистов нашей страны вместе с основанным на ней формально-генетическим методом. Эта политически вредная гипотеза проводилась и проводится чл.-корр. АН СССР Л.А. Булаховским (см. его «Исторический комментарий к русскому литературному языку», 1936, «Акцентологический закон А.А. Шахматова», 1947, «Общеславянские названия птиц», 1948, и др.), проф. П.С. Кузнецовым (см. «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», вып. 4, 1947, стр. 361), проф. Л.П. Якубинским («Образование народностей и их языков», Вестник Ленингр. Университета, № 1, 1947), проф. Г.О. Винокуром («Русский язык», М., 1946) и рядом других языковедов.

В некоторых случаях гипотеза «праязыка» ввиду ее одиозности подается в замаскированном виде. Типична в этом отношении статья проф. Р.И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах» (Вестник Моск. Университета, № 9, 1947), в которой проф. Р.И. Аванесов пытается критиковать историко-лингвистические взгляды Шахматова, но с позиций более отсталых даже по сравнению с Шахматовым. Проф. Р.И. Аванесов, привлекая лишь немногочисленные данные фонетики русских говоров, упрекает Шахматова в том, что он будто бы без оснований допускал наличие в древней восточнославянской речи заметных диалектных различий. Проф. Р.И. Аванесов пытается доказать, что диалектное многообразие в русском языке — явление позднее, что в более раннее время такого разнообразия из было (следовательно, существовал выдержанный «праязык»), а если оно и было, то его пока что доказать нельзя. Проф. Р.И. Аванесов в указанной статье даже не упоминает работы Н.Я. Марра, в которых он высказал основополагающие мысли о происхождении русского языка.

Порочными в своей методологической основе являются работы В.В. Виноградова по истории русского литературного языка. В.В. Виноградов подходит к явлениям русской литературной речи как формалист, допускает грубое искажение исторической действительности. Типичной в этом отношении является его книга «Язык Пушкина» (1935). В этой книге В.В. Виноградов усматривает в языке Пушкина лишь сочетание церковнославянизмов, русизмов и западноевропейских речевых элементов, которые Пушкин использовал, колеблясь между тем или другим литературным направлением своего времени (между западниками, славянофилами и т.п.). Оригинальное же языкотворчество Пушкина, создавшего основы современного русского литературного языка, остается вне поля зрения.

По мнению Виноградова, Пушкин будто бы дает «примирительное и национально-сравнительное (!) решение вопроса о границах и принципах литературно-языковой европеизации» (стр. 317). Подобного рода взгляд на Пушкина, как на простого «примирителя» существовавших в начале XIX в. литературных течений высказывался рядом буржуазных языковедов до революции и получил свое «развитие» у формалистов из пресловутого «Общества поэтического языка» (ОПОЯЗ), к которому Виноградов имел некоторое отношение.

Книга акад. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.» (2-е изд. 1938) допущена Министерством просвещения РСФСР в качестве учебного пособия для вузов. В этой книге особенно преувеличивается роль «европеизации» русского литературного языка. По Виноградову, русский литературный язык будто бы «приспосабливался» к западноевропейским языкам (см., например, на стр. 62 и др.).

Игнорирование материалистического учения Н.Я. Марра и открытая борьба с ним, низкий методологический уровень большинства работ русистов привели к тяжелому положению науки о русском языке. У нас до сих пор нет ни одного учебника или учебного пособия ни по современному русскому языку, ни по исторической грамматике, ни по диалектологии, ни по истории русского литературного языка, хоть в какой-либо мере соответствующих принципам марксистско-ленинского языкознания. Студенты и аспиранты-словесники вынуждены обучаться по совершенно устаревшим, формалистическим и идеалистическим в своей основе книгам вроде «Древнецерковнославянский язык» белоэмигранта [С.М.] Кульбакина, «Лекции по истории русского языка» [А.И.] Соболевского, «Введение в историю русского языка» Шахматова и т.п. Крайнее неблагополучие с преподаванием русского языка в вузах отрицательно сказывается и на преподавании русского языка в школе, где еще далеко не изжит формализм, «теоретической» опорой которого является традиционная русистика, которую представляют в наши дни акад. В.В. Виноградов, проф. М.Н. Петерсон, проф. Р.И. Аванесов и другие языковеды.

Программы для вузов по разным дисциплинам русского языкознания до сих пор строятся на основе формалистического метода. Например, программа по исторической грамматике русского языка, утвержденная Министерством высшего образования СССР, в очень существенной своей части написана по книге по истории русского языка Н.Н. Дурново, в свое время репрессированного органами советской власти за контрреволюционную деятельность. В этой программе в неприкрытом виде представлена гипотеза «праязыка» и неразрывно связанный с ней формально-генетический метод.

Консультантами и членами комиссий в министерствах, рецензентами в Учпедгизе являются все те же противники Нового учения о языке, чем и объясняется, почему индоевропеистика так прочно держится и в учебно-организационном отношении. Все это наносит огромный ущерб образованию советских школьников и студентов.

Формализм в работах по русскому языку сказывается и в том, что на первый план по-прежнему ставится изучение фонетики и морфологии, мало разрабатываются актуальные проблемы, нужные стране. Остается почти вовсе неизученным язык великой советской эпохи, тогда как за последние годы появилось немало работ, посвященных языку писателей XVIII–XIX вв. Сектор истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР (зав. сектором акад. В.В. Виноградов) несколько лет изучает язык писателей конца XVIII — начала XIX века (главным образом, язык Карамзина), считая эту тему более важной, чем исследование языка советских писателей. Московская группа сектора диалектологии того же института (зав. сектором. проф. Р.И. Аванесов), участвующая в работе над диалектологическим атласом русского языка, фактически отрицает необходимость изучения для атласа процессов, происходящих в языке передового колхозного крестьянства, и делает упор только на исследование традиционных говоров, еще сохраняющихся неграмотных и малограмотных слоев сельского населения.

В области изучения лексики, в общем, мало еще исследованной, со стороны отдельных языковедов наблюдается увлечение жаргонными словами или терминами со сниженным социальным значением, увлечение своего рода лингвистической экзотикой, тогда как анализ важнейших общественно-политических и производственных слов остается в стороне. Например, акад. В.В. Виноградов опубликовал за последние годы ряд статей, посвященных «исследованию» таких слов как «завзятый», «никчемный», «отщепенец» («Из истории русской литературной лексики», Доклады и сообщения филфака МГУ, вып. 3, 1947), «пошлый», «завиральный», «неудачник» («Из истории русской литературной лексики», Ученые записки Мос. гос. пединститута, т. XXII, 1947), «нудный» («Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком: Слово “нудный”», Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. I, 1947), «шумиха», «неразбериха», «щуплый» (Бюллетень диалектологического сектора ИРЯЗ, вып. 3, 1948), «хлюст», «оглошитель», «клюкнуть», «дрянце», «барахло» («История русского литературного языка и историческая диалектология», Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, изд. ИРЯЗ АН СССР, печатается), «облапошить» (Бюллетень диалектологического сектора

ИРЯЗ, № 5, печатается) и др. Первая, по времени опубликования, работа Виноградова была посвящена разбору слова «ахинейя».

Игнорирование учения Н.Я. Марра и борьба с ним привели к тому, что среди языковедов, изучающих русский язык, почти не оказалось последователей Нового учения о языке. Работы немногочисленных сторонников учения Н.Я. Марра замалчивались и замалчиваются представителями «общепринятой» науки о русском языке или всячески осуждаются, как «малограмотные», «стоящие на низком методологическом и техническом уровне» и т.п. без каких-либо достаточных к тому оснований. Такого рода «заушение», ведущееся ряд лет, поставило сторонников Н.Я. Марра в невыгодное положение, препятствовало росту их рядов. Кафедры русского языка в большинстве вузов и руководство аспирантами оказались в руках представителей традиционной антимарровской лингвистики. Антимарровцы заняли руководящие посты в министерских комиссиях, в их руках находится журнал «Русский язык в школе».

Противники Нового учения о языке не собираются сдавать своих ложных теоретических позиций. На расширенном заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР, состоявшемся 27 и 28 октября с.г., акад. В.В. Виноградов, проф. М.Н. Петерсон, проф. Р.И. Аванесов, проф. П.С. Кузнецов и проф. А.Б. Шапиро не дали принципиальной критики своих ошибок и пытались переходить в контратаку, лишь на словах признавая Новое учение с языке, но обставляя свое признание такими оговоркам, которые ясно доказывают неискренность их выступлений.

IV. Изучение романо-германских языков

В постановке работы по романским и германским языкам также имеется ряд крупных недостатков.

Необходимо прежде всего указать, что и среди специалистов в этой области языкознания ряд ученых занимает позиции, враждебные Новому учению о языке: одни из них сознательно замалчивают достижения советского языкознания (проф. М.В. Сергиевский), другие откровенно утверждают, что положения Н.Я. Марра не имеют никакого отношения к изучению романо-германских языков (проф. О.И. Богомолова). Особенно неблагоприятно обстоит дело в отношении романских языков. Из немногих крупных специалистов в этой области акад. В.Ф. Шишмарев занимается, главным образом, вопросами литературы, и развитие романской филологии у нас до последнего времени почти полностью находилось в руках покойного проф. М.Н. Сергиевского, воспитывавшего молодые кадры в духе традиционного буржуазного языкознания и враждебности к Новому

учению о языке. Поэтому программы, учебники и большинство диссертаций по романским языкам строились и строятся на чуждых советскому языкознанию методологических основах. Единственным крупным романистом, работающим методом Нового учения о языке, является проф. ЛГУ Р.А. Будагов.

В области германистики относительно малочисленная группа языковедов как воспитанных в Институте языка и мышления еще при жизни Н.Я. Марра, так и более молодых ведет научно-исследовательскую и педагогическую работу, основываясь на ведущих положениях теории Н.Я. Марра (проф. С.Д. Кацнельсон, проф. А.В. Десницкая, проф. Н.С. Чемоданов, проф. М.М. Гухман, проф. В.Н. Ярцева, доц. [Ю.С.] Маслов, доц. [О.И.] Москальская и др.). Из научных работников старшего поколения к учению Н.Я. Марра примкнул чл.-корр. В.М. Жирмунский.

В исследованиях этих языковедов ряд вопросов истории и теории современных германских языков получил новую трактовку, основанную на положениях материалистической науки о языке и противоположную взглядам буржуазного языкознания.

Однако, вследствие немногочисленности этих исследований, не была достигнута коренная перестройка всей системы идеалистических взглядов на историю германских языков, их место среди других индоевропейских языков, а также на основные закономерности их современного состояния. В значительной степени это положение объясняется состоянием научно-исследовательской работы, не обеспечивающей создания марксистской науки о германских и романских языках.

В Институте языка и мышления АН СССР в настоящее время лишь несколько человек специально занимается исследованием проблематики романских и германских языков, в вузах же разрабатываются, главным образом, узкие частные вопросы, освещение которых к тому же имеет чисто эмпирический характер. Те же недостатки отличают и большинство кандидатских диссертаций по этим специальностям.

Между тем разработка основных принципиальных проблем истории и теории романских и германских языков с позиций марксистского языкознания имеет чрезвычайно важное значение. Зарубежные лингвисты при построении своих идеалистических теорий опираются, главным образом, на анализ материала именно этих языков; поэтому разоблачение лженаучных реакционных концепций в этой области языкознания подрывает самые основы буржуазной науки.

Вместе с тем следует отметить, что даже имеющееся достижение в исследовании романских и германских языков не становится достоянием широких масс специалистов по этим языкам и не вне-

дряются должным образом в практику научной работы и вузовского преподавания.

В результате данного состояния науки о романских и германских языках как вузовские учебники по истории и теории романских и германских языков, так и программы филологических факультетов и институтов иностранных языков не имеют последовательной идейной направленности и не осуществляют принцип партийности в науке, а некоторые из них (см., например, программы по истории французского и английского языков, по теории французского языка и др.) строятся целиком в духе традиционного буржуазного языкознания. В программах по истории немецкого, английского, французского языков все еще доминируют фонетика и морфология, и в пренебрежении находится лексика, а особенно синтаксис, что неизбежно ведет к формализму. В учебниках по всем трем языкам (по истории немецкого языка В.М. Жирмунского, по истории французского языка М.В. Сергиевского и по истории английского языка Б.А. Ильиша) освещение языковых процессов оторвано от реальной истории народов, говорящих на этих языках. Учебник проф. Б.А. Ильиша по теории английского языка, переизданный в этом году, и новый учебник по теории французского языка проф. О.И. Богомоловой построены в основном на принципах идеалистического языкознания, дают объективистское изложение буржуазных теорий и не излагают системы взглядов советской науки о языке. Низкий идейный уровень учебников, отсутствие капитальных печатных работ, освещающих системы романских и германских языков с позиций марксистской языковедческой науки, наконец, ошибочные методологические позиции некоторых ученых, работающих в этой области знания (проф. О.И. Богомолова, проф. Б.А. Ильиш, проф. А.И. Смирницкий и др.) препятствуют подготовке полноценных кадров филологов-марксистов для вузов и средней школы. Не случайно и преподавание иностранных языков в средней школе отличается низким идейно-политическим уровнем и насквозь пронизано формализмом.

Все указанные факты говорят о необходимости перестройки всей работы в области исследования и преподавания романских и германских языков, причем то обстоятельство, что эти языки являются орудием империалистической пропаганды в языкознании, требует от работников этой области знания особой политической направленности, особой заостренности критики буржуазных теорий.

V. Изучение тюркских языков

В изучений тюркских языков, равно как и монгольских, наша отечественная наука всегда занимала ведущее место. Признано было, что без знания русского языка невозможно серьезно заниматься

исследованиями в области тюркских языков. Изучение тюркских языков строилось на почве сравнительно-исторического метода. На основе этого метода была сформулирована идея родства тюркских языков и родства этих последних с монгольскими и финскими. Эта так называемая «урало-алтайская» теория исходила из общих идей буржуазного языкознания о родстве языков — «праязыка».

Практически наряду с лингвистическими задачами ставились и многие другие. Например, этнографические, филологические и др. Появилась особая дисциплина «тюркология», привлекавшая в круг своих исследований большой комплекс научно-исследовательских проблем. Усиление формализма в языковедении к началу XX столетия сказалось и в области тюркского языкознания.

После Великой Октябрьской социалистической революции объем и значение новых задач культурного строительства в национальных республиках и областях (Азербайджан, Татаристан, Среднеазиатские республики, Якутия и т.д.) все более изменяли направление исследований. Выдвигались задачи создания новых алфавитов взамен арабского и для народов, не имевших письменности, создания орфографических сводов, словарей, нормативных грамматик и т.д. В связи с этим была проделана очень большая работа, выросли новые кадры, подготовленные для самостоятельной работы. Работа по изучению тюркских языков сосредоточивалась все более на местах, в научных учреждениях и в высших учебных заведениях Азербайджана, Татарии, Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии и т.д.

Углубление исследовательских задач в области изучения тюркских языков выдвигает на очередь все требовательнее новые теоретические проблемы. Акад. Н.Я. Марром и акад. И.И. Мещаниновым намечены новые теоретические пути и в этой области, но развиваются они крайне недостаточно. Основные научные кадры не освободились от формализма и не выходят за рамки чисто эмпирических вопросов (чл.-корр. АН СССР С.Е. Малов, акад. В.А. Гордлевский, чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриев, проф. К.К. Юдахин). Недостаточно проявили себя в теоретической области и наши специалисты новой формации, воспитанные школой акад. Н.Я. Марра (А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Н.И. Урбатова, С. Джикян и др.). Работающие на местах специалисты, всемерно поддерживающие Новое учение о языке (А.Н. Поцелуевский, И.А. Батманов, С.К. Кенесбаев и др.), не всегда в состоянии ставить и решать большие вопросы на материалах, разрабатываемых ими. Из учеников Н.Я. Марра наиболее выдающимся в области тюркологии является чл.-корр. АН Узбекской ССР проф. А.Н. Боровков, работающий в области истории и диалектологии узбекского языка.

Отставание теоретических исследований сказалось и на критической работе. Не ведется борьба против реакционных фашистских

пантюркистских установок, господствующих в современной Турции, против старой формальной школы и формально-генетического метода. Почти не получают квалифицированной оценки и не критикуются многочисленные грамматические работы, словари, специальные статьи и т.д., издающиеся на местах, в национальных республиках. Между тем, помощь нашим кадрам на местах в правильной и широкой постановке теоретических проблем совершенно необходима. Не следует забывать, что если старые националистические кадры и были разгромлены в свое время, то в вопросах языка особенно возможны националистические рецидивы.

Воспитание и подготовка кадров по тюркским языкам в аспирантуре и докторантуре сосредоточены, в основном, в Москве и Ленинграде. Число аспирантов и докторантов из национальных республик и областей из года в год увеличивается. На теоретическое образование по специальности этих кадров не обращается достаточного внимания. Каждый руководитель по-своему оценивает цели и задачи теоретического образования руководящих кадров. Следует поставить всю работу по воспитанию кадров под контроль ИЯМ и Отделения литературы и языка.

VI. Языки народов севера

Большую роль в развитии советского языкознания играет изучение языков народов севера. До Великой Октябрьской социалистической революции ни одна из 23-х народностей крайнего Севера не имела своей письменности. Работа по созданию письменности и литературных языков народов Севера началась в 1930 году, когда был создан в Ленинграде Институт народов Севера. В этом институте были сосредоточены все имевшиеся у нас в то время специалисты по этнографии и языкам народов Севера. Вместе с тем в институте в качестве студентов были представлены все основные народности Севера. Совместным трудом специалистов и студентов-националов в течение 1930–1931 гг. были разработаны, на основе латинской графики, алфавиты и принципы орфографии 14 литературных языков народов Севера и с 1932 года началось издание учебной, массово-политической, промысловой, художественной и детской литературы на этих языках. В настоящее время существуют 9 литературных языков народов Севера: 1) ненецкий, 2) хантыйский, 3) мансийский, 4) эвенкийский, 5) эвенкский, 6) нанайский, 7) чукотский, 8) корякский и 9) эскимосский. Опыт работы первых пяти лет убедительно показал не только нецелесообразность, но и вредность построения письменности народов Севера на базе латинского алфавита. В 1936–1937 гг. все литературные языки народов Севера перешли на русский алфавит. До Великой Отечественной войны все национальные школы крайнего Севера были

снабжены необходимыми учебниками на родных языках учащихся. За время войны все эти учебники устарели. Сейчас ведется работа по их переизданию и изданию новых учебников. Однако эта работа тормозится тем, что за время войны ряды специалистов по северным языкам значительно поредели. Особенно трудное положение сложилось с учебниками на корякском и мансийском языках, по которым сейчас имеется только по одному специалисту.

Функции ликвидированного в 1941 г. Института народов Севера по руководству всей работой в области дальнейшего развития литературных языков народов Севера вынужден был после войны временно принять на себя Институт языка и мышления АН СССР. Эти функции он выполнял до конца 1947 г., когда приказом министра просвещения РСФСР при Учебно-педагогическом издательстве был создан специальный редакционный совет по литературе для народов Севера. Институт языка и мышления принимает самое активное участие в работе этого совета. Председателем совета и руководителями двух из четырех его секций назначены сотрудники ИЯМ. В то же время институт сохраняет за собой обязанность апробировать всю научную и научно-практическую литературу (пособия для учителей) по северным языкам.

Языки народов Севера привлекают все большее и большее внимание языковедов. Интерес к ним вызывается, с одной стороны, тем, что они, как младописьменные, требовали срочной разработки целого ряда вопросов грамматики, фонетики, диалектологии и т.д., а с другой стороны, тем, что, как показали первые чисто описательные работы, языки эти могут дать ценнейшие материалы для разработки общих вопросов теории языкознания.

Первым, кто широко привлек материалы языков народов Севера для решения общих вопросов языкознания и подошел к исследованию этих языков с позиций Нового учения о языке, был акад. И.И. Мещанинов. В его работах: «Новое учение о языке» (1937), «Общее языкознание» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945), «Глагол» (печатается) и в целом ряде опубликованных статей впервые дается разрешение многих основных вопросов грамматического строя северных языков. В том же направлении идет работа пока еще небольшой группы его учеников — специалистов по северным языкам (О.П. Суник, В.А. Аврорин, П.Я. Скорик и Н.М. Терещенко), которые перешли к научным исследованиям от практической работы по созданию, развитию и преподаванию литературных языков народов Севера.

Однако, в изучении северных языков имеется и другое, антимарровское направление. Так, например, проф. В.И. Цинциус вместе с частью сотрудников руководимой ею кафедры северных языков в ЛГУ пренебрегает вопросам теории языкознания и выдвигает на первый план задачу описания формальных средств выражения

грамматических категорий. Пренебрежение вопросами теории языкознания, умышленное игнорирование достижений Нового учения о языке привело к тому, что проф. Цинциус до сих пор находится в плену буржуазного формально-сравнительного метода, неизбежно приводящего в болото реакционных теорий «праязыка». Лучшим примером этого может служить ее докторская диссертация «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» печатающаяся в Учпедгизе (Ленинградском отделении). В этой работе, на основании чисто формального сопоставления фонетических явлений, автор, не всегда решаясь называть вещи своими именами, подводит к выводу о неизбежности существования в прошлом тунгусо-маньчжурского, а может быть и тунгусо-маньчжуро-монгольского или даже шире — алтайского «праязыка». Образцом формалистического подхода к разрешению такого интересного и важного вопроса как представления о множественности и единичности, может служить статья проф. [В.И.] Цинциус «Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках» (Ученые записки ЛГУ, серия филологич. наук, вып. 10, 1946), в которой вся эта проблема сводится опять-таки к формальному сопоставлению суффиксов множественности и собирательности в указанных языках при полном почти игнорировании смысловой стороны дела. В этой статье, как и в других работах того же автора, некоторый элемент историзма имеется, но он полностью исчерпывается изложением гипотез о последовательном превращении одних формальных элементов языка в другие, без каких бы то ни было связей с развитием мышления, не говоря уже о связях с историей конкретного общества. Элементы такого «историзма» нужны автору только для одной цели — для выведения общих для тунгусо-маньчжурских языков «праформ», свидетельствующих о «несомненности» существования в прошлом «праязыка».

VII. Изучение кавказских языков

Изучение кавказских языков имело огромное значение для становления Нового учения о языке. Н.Я. Марр, разрабатывая свою теорию, широко использовал материал кавказских языков. Материалы эти не укладывались в традиционные схемы буржуазной лингвистики и потребовали коренного пересмотра лингвистической методологии.

Последователями Н.Я. Марра в изучении кавказских языков являются проф. К.Д. Дондуа, проф. Г.П. Сердюченко, старшие научные сотрудники ИЯМ Е.А. Бокарев и Г.Ф. Турчанинов. К Новому учению о языке примыкают также кавказоведы проф. Н.Ф. Яковлев и проф. Л.И. Жирков. Впрочем, после смерти Н.Я. Марра разработ-

ка теоретических проблем на материалах кавказских языков резко снизилась.

Однако, в области изучения кавказских языков буржуазная лингвистика не только продолжает сохранять свои позиции, но и переходит в атаки против Нового учения о языке. Особенно активным в этом отношении является проф. А.С. Чикобава (Тбилиси). Его книга «Общее языкознание» может служить ярким образцом буржуазной методологии в лингвистике (знаковая теория по Соссюру, отрыв формы от содержания, гипотеза «праязыка» и т.п.).

Нужно отметить, что и в Грузии и в Армении большинство работ выходит без резюме на русском языке, чем грузинские и армянские языковеды изолируют себя от языковедов Москвы, Ленинграда и других лингвистических центров страны.

Лингвистическая работа в области младописьменных языков Кавказа направлена, по преимуществу, на выполнение практических задач языкового строительства. В результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики в развитии национальных языков проделана большая работа по созданию алфавитов, орфографии, словарей, научных грамматик для языков адыгейского, абхазского, абазинского, кабардинского, аварского, даргинского, табасаранского, лакского и др. Однако, недостает научно подготовленных кадров для того, чтобы выполнять всю работу, которую ждут от языковедов национальные республики. В Дагестанской АССР также очень плохо поставлена подготовка преподавателей родных языков. По ряду языков вообще нет подготовленных лингвистов (даргинский, табасаранский).

В области практической и особенно теоретической работы по изучению кавказских языков в духе Нового учения о языке вопрос о подготовке кадров языковедов является особенно острым.

VIII. Изучение иранских языков

Явно неудовлетворительное положение в иранистике — области языкознания, которая с давних пор является опорным пунктом буржуазного формально-генетического метода. У нас в стране командное положение в области изучения иранских языков занимает чл.-корр. АН А.А. Фрейман — заведующий кафедрой иранской филологии ЛГУ и заведующий иранским кабинетом ИВАН. Печатные работы проф. А.А. Фреймана основаны на наиболее отсталых идеях формально-сравнительного метода. В исследованиях проф. Фрейман исходит из теории «праязыка» и базируется исключительно на памятниках мертвых иранских языков, игнорируя материалы живых иранских языков, хотя последние почти полностью представлены на территории Советского Союза и включают данные, в сот-

ни раз превосходящие письменные памятники. Только под напором общественного мнения проф. Фрейман иногда обращается к живым языкам, привлекая их, однако, не как основной объект изучения, а как второстепенные бессистемные иллюстрации к фактам мертвых языков.

А.А. Фрейман в течение ряда лет вел открытую и злобную борьбу с Н.Я. Марром и его учением о языке. Только после Отечественной войны, боясь ответственности за свою деятельность, проф. Фрейман старательно инспирирует слухи о своем повороте в сторону Нового учения о языке, о своем признании ценности книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», в то же время полностью оставаясь на своих прежних порочных методологических позициях.

Вторым из видных иранистов-языковедов является профессор Ленинградского Университета и сотрудник ИЯМ И.И. Зарубин, который находится под сильным влиянием идей формалистической лингвистики. Будучи крупнейшим специалистом по живым иранским языкам Средней Азии, проф. Зарубин ушел от актуальных вопросов теории и практики языкознания, занимаясь исключительно подготовкой и публикацией текстов без научных комментариев к ним и словарей. Проф. Зарубин ни устно ни в печати не поддерживал Н.Я. Марра и его школу в их беспощадной критике новых и новейших буржуазных теорий языка.

Дело подготовки кадров иранистов в Ленинграде почти целиком сосредоточено в руках Фреймана и Зарубина. Наиболее близкие к ним ученики, подготовленные ими и зависимые от них, придерживаются теоретических взглядов своих учителей.

Крупным представителем Нового учения о языке в иранистике является ученик Н.Я. Марра проф. В.И. Абаев. Проф. В.И. Абаев много работает как в области изучения осетинского языка, так и над теоретическими проблемами иранистики и общего языкознания. К Новому учению о языке примыкает также проф. Московского Университета Б.В. Миллер.

Состояние теоретической работы над другими языками Советского Союза (украинского, белорусского, балтийских, финно-угорских, монгольских), а также зарубежных стран (славянских, индийских, японского, китайского и др.) характеризуется в основном теми же недостатками, что и изучение вышеупомянутых языков.

IX. Выводы

Чтобы покончить с резким отставанием советского языковедения от научных и культурных нужд страны, которое становится совершенно нетерпимым в эпоху общего подъема и расцвета совет-

ской науки и культуры, необходимо разоблачение идеалистической лингвистики, которая тормозит дальнейшее успешное изучение языков народов СССР и зарубежных стран, необходимо развертывание и углубление большевистской критики и самокритики в рядах советских языковедов. Основой для методологической перестройки всех советских языковедов должно стать творческое претворение в лингвистических исследованиях великих идей Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина и дальнейшее развитие материалистических положений акад. Н.Я. Марра, вошедших в золотой фонд советской науки о языке.

Необходимо осудить формализм в языковедении, выражающийся в отрыве языка от истории общественных формаций и классовой борьбы, в отрыве языка от его сложного мыслительного содержания, обусловленного бытием, в рассмотрении языка лишь с формальной стороны, в пропаганде политически вредной гипотезы «праязыка» и применении в исследовательской практике основанного на гипотезе «праязыка» формально-генетического (так наз. сравнительно-исторического) метода, а также проявления буржуазного космополитизма и [низкопоклонства] в языкознании.

Надо развернуть непримиримую борьбу со всякого рода влияниями западноевропейской буржуазной лингвистики (соссюрианство, структурализм и т.п.), а также привить всем советским языковедам принципиальное критическое отношение к наследству буржуазных лингвистов дореволюционной России.

Крайне важным делом также является поворот лингвистических исследований в сторону актуальных проблем, имеющих прямое отношение к дальнейшему развитию речевой культуры в нашей стране.

Для решения вышеуказанных задач необходимы следующие мероприятия:

- 1) Укрепить руководство языковедческих научно-исследовательских институтов и лингвистических кафедр в вузах сторонниками Нового учения о языке, для чего смело выдвигать молодых способных лингвистов, стоящих на позициях марксистско-ленинского языкознания;

- 2) Пересмотреть состав членов экспертных комиссий по языковедческим дисциплинам и ВАК Министерства высшего образования СССР, а также научных консультантов по языкознанию в Министерстве просвещения РСФСР и министерствах просвещения союзных республик, удалив из них языковедов-формалистов;

- 3) Пересмотреть учебные программы для вузов по всем лингвистическим дисциплинам, заменив программы, имеющие ошибки формалистического порядка, новыми программами, составленными на основе материалистического языкознания;

4) Поручить составление новых учебников и учебных пособий представителям материалистического языковедения, прежде всего учебники по введению в общее языкознание, современному русскому языку, истории русского литературного языка, исторической грамматике русского языка и русской диалектологии. Обеспечить печатание этих учебников, предварительно подвергнув их широкому обсуждению среди языковедов;

5) Обновить состав редакционных коллегий изданий лингвистических работ, в том числе редакции журнала «Русский язык в школе». Не допускать публикацию работ, особенно издающихся массовым тиражом, в которых проводятся формалистические методы, в частности, пропагандируется в том или ином виде гипотеза «праязыка», для чего устранить из состава консультантов и рецензентов Учпедгиза и других издательств представителей «традиционной» лингвистики и заменить их сторонникам Нового учения о языке.

6) Разрешить издание периодического журнала «Советское языкознание» в качестве боевого теоретического органа марксистско-ленинской лингвистики;

7) Пересмотреть планы научно-исследовательских работ лингвистических институтов Академии наук СССР, Академий наук союзных республик и языковедческих кафедр вузов с точки зрения актуальности проблематики, развития марксистско-ленинского языкознания и непримиримой борьбы с идеалистическим языковедением;

8) Усилить руководство аспирантами и докторантами в духе Нового учения о языке, обратив особенное внимание на должную подготовку их в теоретическом отношении;

9) Созвать широкое совещание языковедов с постановкой на нем доклада о положении и задачах советского языкознания.

Члены ВКП(б):

Секретарь партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *А.В. Десницкая*.

Секретарь партбюро ИРЯЗ — МО ИЯМ АН СССР *А.М. Базиев*.

Зам. директора ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *Ф.П. Филин*.

Зам. директора ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *В.А. Аврорин*.

Зам. директора ИВАН АН СССР,
чл.-корр. АН Узб. ССР, профессор *А.К. Боровков*.

Ученый секретарь ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *О.П. Суник*.

Декан филологического факультета МГУ
профессор *Н.С. Чемоданов*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
доктор филологических наук, профессор *С.Д. Кацнельсон*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР,
зав. кафедрой общего языкознания
1-го Ленингр. института иностранных языков,
кандидат филологических наук *И.И. Цукерман*.

Член партбюро ИЯМ–ЛО ИРЯЗ АН СССР
аспирант *Г.А. Меновщиков*.

Член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой
русского языка Ленингр. Педагогического Института
им. Покровского, профессор *С.Г. Бархударов*.

Зав. кафедрой русского языка Ленинградского
педагогического Института им. Герцена
доктор филологических наук, профессор *Н.П. Гринкова*.

Старший научный сотрудник ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *Е.А. Бокарев*.

Старший научный сотрудник МО ИЯМ АН СССР
профессор *М.М. Гухман*.

Старший научный сотрудник ИЯМ АН СССР
кандидат филологических наук *П.Я. Скорик*.

Старший научный сотрудник ЛО ИРЯЗ АН СССР
кандидат филологических наук *М.Д. Мальцев*.

Литература

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.

Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записки. М.: [Институт славяноведения РАН; МГУ], 2002. 376 с.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012 («Филологическое наследие»).

Фрейденберг О.М. Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю.М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 149–163.

References

Alpatov, V.M. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 240 p.

Bernshstein, S.B. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*. Moscow: [Institut slavianovedeniia RAN; MGU], 2002. 376 p.

Druzhinin, P.A. *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie*: in 2 vols. Moscow: Novoe Lit. Obozrenie Publ., 2012 (ser. "Filologicheskoe nasledie").

Freidenberg, O.M. "Budet li moskovskii Niurnberg? (Iz zapisok 1946–1948 godov)", ed. Yu.M. Kagan. In *Sintaksis: Publitsistika. Kritika. Polemika*. Paris, 1986, issue 16, pp. 149–163.

All-Union Academy of Agricultural Sciences Session and the Soviet Philology

(Secret Memorandum to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a Group of Leningrad Linguists)

Pyotr A. Druzhinin

Abstract: The memorandum sent in 1948 to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a group of linguists who defined themselves as followers of "the only true" Soviet materialistic theory of language created by academician Nikolay Marr, aimed at defeating their rivals described by the authors of the memo as representatives of idealistic bourgeois theory closely connected with the traditions of foreign linguistics. The main opponents of the Leningrad group of linguists were professors of Moscow State University A. Reformatsky, M.N. Peterson and academician V.V. Vinogradov, whose influence, academic and administrative standing were regarded as a serious threat by the signers of the memo. If they had become winners in the political struggle, the fate of the Soviet / Russian philology could have been much gloomier; it was Vinogradov, however, who won the battle — he was the one who stood behind the "historical" work by Stalin *Marxism and Problems of Linguistics* (1950) that shattered Marr's theory.

Keywords: history of philology, science and ideology, new linguistic theory, Marrism.

Information about the author: Pyotr A. Druzhinin, Ph.D., independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: petr@druzhinin.ru